

Александр Островский

Доходное место

*Часть сборника
Бесприданница (сборник)*

Александр Островский
Доходное место

«Public Domain»

1857

Островский А. Н.

Доходное место / А. Н. Островский — «Public Domain», 1857

«Большая зала в доме Вышневого, богато меблированная. Налево дверь в кабинет Вышневого, направо – в комнаты Анны Павловны; по обе стороны на стенах по зеркалу и под ними столики; прямо входная дверь...»

© Островский А. Н., 1857

© Public Domain, 1857

Содержание

Действие первое	5
Явление первое	6
Явление второе	7
Явление третье	8
Явление четвертое	11
Явление пятое	12
Явление шестое	13
Явление седьмое	14
Явление восьмое	16
Явление девятое	18
Явление десятое	20
Явление одиннадцатое	21
Явление двенадцатое	22
Явление тринадцатое	23
Действие второе	24
Явление первое	25
Явление второе	27
Явление третье	29
Явление четвертое	30
Явление пятое	33
Явление шестое	34
Явление седьмое	36
Явление восьмое	38
Действие третье	39
Явление первое	40
Явление второе	42
Явление третье	43
Явление четвертое	48
Действие четвертое	50
Явление первое	51
Явление второе	52
Явление третье	54
Явление четвертое	55
Явление пятое	57
Явление шестое	60
Явление седьмое	62
Явление восьмое	63
Действие пятое	66
Явление первое	67
Явление второе	68
Явление третье	70
Явление четвертое	73
Явление пятое	75

Александр Николаевич Островский

Доходное место

(Комедия в пяти действиях)

Действие первое

Действующие лица

Аристарх Владимирыч Вышневецкий, одряхлевший старик, с признаками подагры.

Анна Павловна, жена его, молодая женщина.

Василий Николаич Жадов, молодой человек, племянник его.

Аким Акимыч Юсов, старый чиновник, служащий под начальством Вышневецкого.

Онисим Панфилович Белогубов, молодой чиновник, подчиненный Юсову.

Антон, человек в доме Вышневецкого.

Мальчик.

Большая зала в доме Вышневецкого, богато меблированная. Слева дверь в кабинет Вышневецкого, направо – в комнаты Анны Павловны; по обе стороны на стенах по зеркалу и под ними столики; прямо входная дверь.

Явление первое

Вышневецкий в байковом сюртуке и без парика и Вышневецкая в утреннем наряде. Выходят из половины Вышневецкой.

Вышневецкий. Какая неблагодарность! Какая злоба! (*Садится.*) Пять лет вы за мной замужем, и в пять лет я не могу ничем заслужить вашего расположения. Странно! Может быть, вы недовольны чем-нибудь?

Вышневецкая. Нисколько.

Вышневецкий. Я думаю. Не для вас ли я купил и отделал великолепно этот дом? Не для вас ли я выстроил в прошлом году дачу? Чего у вас мало? Я думаю, ни у одной купчихи нет столько бриллиантов, сколько у вас.

Вышневецкая. Благодарю вас. Впрочем, я ничего от вас не требовала.

Вышневецкий. Вы не требовали; но я должен был чем-нибудь вознаградить вас за разность в летах. Я думал найти в вас женщину, способную оценить жертвы, которые я вам принес. Я ведь не волшебник, я не могу строить мраморных палат одним жестом. На шелк, на золото, на соболь, на бархат, в который вы окутаны с головы до ног, нужны деньги. Их нужно доставать. А они не всегда легко достаются.

Вышневецкая. Мне ничего не нужно. Я уж говорила вам не один раз об этом.

Вышневецкий. Но мне нужно же наконец покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводит с ума. Я страстный человек: из любви к женщине я способен на все! Я купил вам в нынешнем году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которые я ее купил... как бы это вам сказать?... ну, одним словом, я рискнул более, нежели позволяло благоразумие. Я могу подлежать ответственности.

Вышневецкая. Ради Бога, не делайте меня участницею ваших поступков, если они не совсем честны. Не оправдывайте их любовью ко мне. Я вас прошу. Для меня это невыносимо. Впрочем, я не верю вам. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно так же. Я даже перед своей совестью не хочу отвечать за ваше поведение.

Вышневецкий. Поведение! Поведение! Из любви к вам я готов даже на преступление. Чтобы только купить вашу любовь, я готов заплатить своим бесчестьем. (*Встает и подходит к Вышневецкой.*)

Вышневецкая. Аристарх Владимирыч, я притворяться не могу.

Вышневецкий (*берет ее за руку*). Притворитесь! Притворитесь!

Вышневецкая (*отвернувшись*). Никогда.

Вышневецкий. Но ведь я вас люблю!.. (*Дрожжа, опускается на колени.*) Я вас люблю!

Вышневецкая. Аристарх Владимирыч, не унижайтесь! Вам одеваться пора. (*Звонит.*)

Вышневецкий поднимается. Входит Антон из кабинета.

Одеваться Аристарху Владимирычу.

Антон. Пожалуйте, готово-с. (*Уходит в кабинет.*)

Вышневецкий идет за ним.

Вышневецкий (*в дверях*). Змея! змея! (*Уходит.*)

Явление второе

Вышневецкая (*одна, сидит несколько времени задумавшись*).

Входит мальчик, подает письмо и уходит.

От кого это? (*Распечатывает и читает.*) Вот еще мило! Любовное послание. И от кого же! Пожилой человек, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что делать женщине в таком случае? И какие пошлости написаны! Какие глупые нежности! Послать его назад? Нет, лучше показать его кой-кому из знакомых да посмеяться вместе, все-таки развлечение... фу, как гадко! (*Уходит.*)

Антон выходит из кабинета и становится у двери; входит Юсов, потом Белогубов.

Явление третье

Антон, Юсов и Белогубов.

Юсов (*с портфелем*). Доложи-ка, Антоша.

Антон уходит.

Юсов поправляется перед зеркалом.

АНТОН (*в дверях*). Пожалуйста.

Юсов уходит.

Белогубов (*входит, вынимает из кармана гребенку и причесывается*). Что, Аким Акимыч здесь-с?

АНТОН. Сейчас прошли в кабинет.

Белогубов. А сами-то как сегодня? Ласковы-с?

АНТОН. Не знаю. (*Уходит.*)

Белогубов стоит у стола подле зеркала.

Юсов (*выходя, заметно важничает*). А, ты здесь.

Белогубов. Здесь-с.

Юсов (*просматривая бумагу*). Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Вот, братец ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Белогубов. Мне приказали переписать-с?

Юсов (*сядьясь*). Тебе. У него, сказали, почерк хорош.

Белогубов. Мне очень приятно слышать-с.

Юсов. Так ты слушай, братец: ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

Белогубов. Я ведь, Аким Акимыч, понимаю-с. Каллиграфически напишу-с, всю ночь просижу.

Юсов (*вздыхает*). Охо-хо-хо! охо-хо-хо!

Белогубов. Мне, Аким Акимыч, только бы обратили внимание.

Юсов (*строго*). Что ты шутишь этим, что ли?

Белогубов. Как можно-с!..

Юсов. Обратили внимание... Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего он еще желать может?

Белогубов. Да-с!

Юсов. Обратили на тебя внимание, ну, ты и человек, дышишь; а не обратили – что ты?

Белогубов. Ну, что уж-с.

Юсов. Червь!

Белогубов. Я, кажется, Аким Акимыч, стараюсь-с.

Юсов. Ты? (*Смотрит на него.*) Ты у меня на хорошем замечании.

Белогубов. Я, Аким Акимыч, даже в пище себе отказываю, чтоб быть чисто одетым. Чисто одетый чиновник ведь всегда на виду у начальства-с. Вот извольте посмотреть, как талия... *(Поворачивается.)*

Юсов. Постой. *(оглядывает его и нюхает табак.)* Талия хорошо... Да еще, Белогубов, смотри, пограмотней.

Белогубов. Вот правописание-то я, Аким Акимыч, плохо-с... Так что, поверите ли, самому обидно.

Юсов. Эка важность, правописание! Не все вдруг, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потом уж с этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Белогубов. Уж попрошу кого-нибудь-с поправить, а то все Жадов смеется-с.

Юсов. Кто?

Белогубов. Жадов-с.

Юсов *(строго).* Да сам-то он что такое? Что за птица? Еще смеется!

Белогубов. Как же-с, ведь надо показать, что ученый-с.

Юсов. Тьфу! Вот что он.

Белогубов. Я даже никак не могу определить его, Аким Акимыч, что он за человек-с.

Юсов. Ничтожество!..

Молчание.

Сейчас я там был *(показывая на кабинет)*, так говорили *(тихо)*: не знаю, что с племянником делать! Пойми из этого.

Белогубов. А ведь как о себе-то много мечтает-с.

Юсов. Высоко летает, да где-то сядет! Уж чего лучше: жил здесь на всем готовом. Что ж ты думаешь, благодарность он чувствовал какую-нибудь? Уважение от него видели? Как же не так! Грубость, вольнодумство... Ведь хоть и родственник ему, а все-таки особа... кто же станет переносить? Ну, вот ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своим разумом, на десять целковых в месяц, авось поумнее будешь.

Белогубов. Вот глупость-то до чего доводит-с, Аким Акимыч! Кажется, то есть... Господи... этакое счастье! Поминутно должен Бога благодарить. Ведь так я говорю, Аким Акимыч, должен он Бога благодарить-с?

Юсов. Еще бы!

Белогубов. Сам от своего счастья бегаёт. Чего ему еще нужно-с! Чин имеет, в родстве с таким человеком, содержание имел готовое; кабы захотел, мог бы место иметь хорошее, с большим доходом-с. Ведь Аристарх Владимирыч ему не отказали бы!

Юсов. Ну, вот поди же!

Белогубов. Мое мнение такое, Аким Акимыч, что другой человек, с чувством, на его месте стал бы сапоги чистить Аристарху Владимирычу, а он еще огорчает такого человека.

Юсов. Все гордость да рассуждение.

Белогубов. Какое же рассуждение! Об чем мы можем рассуждать? Я, Аким Акимыч, никогда...

Юсов. Еще бы ты-то!

Белогубов. Я никогда-с... потому это ни к чему не ведет к хорошему, окромя неприятности.

Юсов. Как же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что в университете был.

Белогубов. Какая же польза от ученья, когда в человеке нет страха... никакого трепету перед начальством?

Юсов. Чего?

Белогубов. Трепету-с.

Юсов. Ну, да.

Белогубов. Меня бы, Аким Акимыч, столоначальником-с.

Юсов. У тебя губа-то не дура.

Белогубов. Я ведь больше потому-с, что у меня теперь невеста есть-с. Барышня и отлично образованная-с. Только без места нельзя-с, кто ж отдаст.

Юсов. Что ж не покажешь?

Белогубов. Первым долгом-с... хоть нынче же... как вместо родственника-с.

Юсов. А об месте я доложу. Мы подумаем.

Белогубов. Мне бы уж это место на всю жизнь-с. Я хоть подписку дам, потому выше я не могу-с. Мне не по способностям.

Входит Жадов.

Явление четвертое

Те же и Жадов.

Жадов. Что, дядюшка занят?

Юсов. Занят.

Жадов. Ах, жалко! А мне очень нужно его видеть.

Юсов. Можно и подождать, у них дела-то поважней ваших.

Жадов. Почему вы знаете мои дела?

Юсов (*смотрит на него и смеется*). Какие у вас дела! Так, вздор какой-нибудь.

Жадов. С вами лучше не говорить, Аким Акимыч; вы всегда на грубость напрашиваетесь. (*Отходит и садится на авансцене.*)

Юсов (*Белогубову*). Каков?

Белогубов (*громко*). Не стоит внимания разговаривать-то! Только вам, на старости лет, себя беспокоить. Прощайте-с. (*Уходит.*)

Явление пятое

Жадов и Юсов.

Юсов (*про себя*). Ха, ха, ха! Жили, жили, да, слава Богу, дожили. Мальчишки стали нос поднимать.

Жадов (*оглядывается*). Что вы там ворчите?

Юсов (*продолжает*). Делать, что приказано, мы не любим, а рассуждать вот наше дело. Как можно нам в канцелярии сидеть! Нас бы всех министрами сделать! Ну, что ж делать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали ваших талантов. Сделаем министрами, непременно сделаем... погодите немножко... завтра же.

Жадов (*про себя*). Надоел!

Юсов. Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совести. У другого еще и губы не обсохли, а уж амбицию показывает. Кто я! Не тронь меня!

Входит Антон.

Антон (*Юсову*). Пожалуйте к барину.

Юсов уходит в кабинет.

Жадов. Скажи Анне Павловне, что я хочу их видеть.

Антон. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Явление шестое

Жадов (*один*). Что этот старый хрыч разворчался! Что я ему сделал! Университетских, говорит, терпеть не могу. Да разве я виноват? Вот и служи под таким начальством. А впрочем, что же он мне сделает, коли я буду себя вести хорошо? А вот как вакансия откроется, так, пожалуй, местом и обойдут. От них станется.

Вышневецкая входит.

Явление седьмое

Жадов и Вышневецкая.

Вышневецкая. Здравствуйте, Василий Николаич!

Жадов. Ах, тетенька, здравствуйте! (*Целует у ней руку.*) Я вам новость скажу.

Вышневецкая. Садитесь.

Садятся.

Что за новость?

Жадов. Я жениться хочу.

Вышневецкая. Не рано ли?

Жадов. Влюблен, тетушка, влюблен. И какая девушка-то! Совершенство!

Вышневецкая. А богата она?

Жадов. Нет, тетушка, у ней ничего нет.

Вышневецкая. Чем же вы жить-то будете?

Жадов. А голова-то, а руки-то на что? Неужели мне весь век жить на чужой счет? Конечно, другой был бы рад, благо случай есть, а я не могу. Уж не говоря про то, что для этого я должен, из угождения дяде, противоречить собственным убеждениям. А кто ж будет работать-то? Зачем же нас учили-то! Дядя советует прежде нажить денег, каким бы то ни было образом, купить дом, завести лошадей, а потом уж завести и жену. Могу ли я согласиться с ним? Я полюбил девушку, как любят только в мои лета. Неужели я должен отказаться от счастья оттого только, что она не имеет состояния?

Вышневецкая. Страдают не от одной бедности, страдают и от богатства.

Жадов. Помните наши разговоры с дядей? Что ни скажешь, бывало, против взяток или вообще против всякой неправды, у него один ответ: поди-ка поживи, не то заговоришь. Ну, вот я и хочу пожить, да еще не один, а с молодой женою.

Вышневецкая (*вздыхая*). Да, позавидуешь женщинам, которых любят такие люди, как вы.

Жадов (*целует руку*). Уж как я буду трудиться, тетушка! Большого, вероятно, жена от меня не потребует. А если и случится даже некоторое время перенести нужду, так, вероятно, Полина, из любви ко мне, не покажет и виду неудовольствия. Но, во всяком случае, как бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тех убеждений, которыми я обязан воспитанию.

Вышневецкая. За вас-то можно поручиться; но ваша жена... молодая женщина! Ей трудно будет перенести какой бы то ни было недостаток. У нас очень дурно воспитывают девушек. Вы, молодые люди, представляете нас ангелами, а поверьте, Василий Николаич, что мы хуже мужчин. Мы корыстнее, пристрастнее. Что делать! нужно признаться: в нас чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Что еще в нас нехорошо, так это – недостаток деликатности. Женщина способна упрекнуть, что редкий развитой мужчина позволит себе. Самые обидные колкости нередки между короткими приятельницами. Иногда глупый попрек женщины тяжелее всякой обиды.

Жадов. Это правда. Но я сам буду ее воспитывать. Она еще совсем ребенок, из нее еще можно сделать все. Только надобно ее поскорей вырвать из семейства, пока не успели ее испортить пошлым воспитанием. А как сделают ее барышней, в полном смысле этого слова, тогда уж поздно.

Вышневецкая. Не смею сомневаться и не хочу вас разочаровывать. Было бы неблагородно с моей стороны охлаждать вас на первых порах. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно еще не зачерствело. Не бойтесь бедности. Бог вас благословит. Поверьте, что никто так не пожелает вам счастья, как я.

Жадов. Я всегда был в этом уверен, тетушка.

Вышневецкая. Одно меня беспокоит: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себе врагов.

Жадов. Да, мне все говорят, что я нетерпим, что от этого я много теряю. Да разве нетерпимость недостаток? Разве лучше равнодушно смотреть на Юсовых, Белогубовых и на все мерзости, которые постоянно кругом тебя делаются? От равнодушия недалеко до порока. Кому порок не гадок, тот сам понемногу втянется.

Вышневецкая. Я не называю нетерпимость недостатком, только знаю по опыту, как она неудобна в жизни. Я видала примеры... когда-нибудь вы узнаете.

Жадов. Как вы думаете, откажет мне дядюшка или нет? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мне бы теперь очень кстати.

Вышневецкая. Не знаю. Попросите.

Входят Вышневецкий во фраке и парике, за ним Юсов.

Явление восьмое

Те же, Вышневецкий и Юсов.

Вышневецкий (*Жадову*). А, здравствуй! (*Садится.*) Садись! Садись, Аким Акимыч! Ты все ленишься, на службу редко ходишь.

Жадов. Делать нечего. Не дают дела.

Юсов. Мало ли дела у нас!

Жадов. Переписывать-то? Нет уж, я слуга покорный! На это у вас есть чиновники способнее меня.

Вышневецкий. Ты все еще не уходился, мой милый! Все проповеди читаешь. (*К жене.*) Представьте: читает в канцелярии писарям мораль, а те, натурально, ничего не понимают, сидят, разиня рот, выпуча глаза. Смешно, любезный!

Жадов. Как я буду молчать, когда на каждом шагу вижу мерзости? Я еще не потерял веру в человека, я думаю, что мои слова произведут на них действие.

Вышневецкий. Они уж и произвели: ты стал посмешищем всей канцелярии. Ты уж достиг своей цели, успел сделать так, что все с улыбкой переглядываются и перешептываются, когда тыходишь, и распространяется общий хохот, когда ты уйдешь.

Юсов. Да-с.

Жадов. Однако что же смешного в моих словах?

Вышневецкий. Все, мой друг. Начиная от излишнего, нарушающего приличия увлечения, до ребяческих, непрактических выводов. Поверь, что каждый писец лучше тебя знает жизнь; знает по собственному опыту, что лучше быть сытым, чем голодным философом, и твои слова, естественно, кажутся им глупыми.

Жадов. А мне кажется, что они знают только то, что взяточником быть выгоднее, нежели честным человеком.

Юсов. Гм, гм...

Вышневецкий. Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадов. Позвольте, дядюшка! Для чего же нас учили, для чего же в нас развивали такие понятия, которых нельзя выговорить вслух без того, чтобы вы не обвинили в глупости или дерзости?

Вышневецкий. Не знаю, кто вас там и чему учил. Мне кажется, что лучше учить делать дело и уважать старших, чем болтать вздор.

Юсов. Да-с, гораздо бы лучше.

Жадов. Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни.

Вышневецкий. Да, на чердаке, за куском черного хлеба. Славное утешение! С голоду восхвалять свою добродетель и ругать товарищей и начальников за то, что они умели устроить свою жизнь и живут в довольстве, семейно и счастливо. Прекрасно! Тут и зависть пособит.

Жадов. Боже мой!

Вышневецкая. Это жестоко.

Вышневецкий. Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорил что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будет. Человек, который не умел или не успел нажить себе состояние, всегда будет завидовать человеку с состоянием – это в натуре человека. Оправдать зависть тоже легко. Завидующие люди обыкновенно говорят: я не хочу богатства; я беден, но благороден.

Юсов. Медоточивые уста!

Вышневский. Благородная бедность хороша только на театре. А попробуй перенести ее в жизни. Это, мой друг, не так легко и приятно, как нам кажется. Ты же привык слушаться только самого себя, пожалуй, еще женишься. Что тогда будет? Вот любопытно!

Жадов. Да, дядюшка, я женюсь и хотел об этом говорить с вами.

Вышневский. И, вероятно, по любви, на бедной девушке, а еще, пожалуй, и на дуре, которая об жизни имеет столько же понятия, сколько и ты; но уж, наверно, она образованна и поет под расстроенные фортепьяно: «С милым рай и в шалаше».

Жадов. Да, она бедная девушка.

Вышневский. И прекрасно.

Юсов. Для размножения нищих-с...

Жадов. Аким Акимыч, не оскорбляйте меня. Я вам не давал на это никакого права. Дядюшка, брак дело великое, и я думаю, что каждый в этом деле должен следовать собственному внушению.

Вышневский. Сделай милость, тебе никто и не мешает. Только подумал ли ты вот об чем? Ты, конечно, любишь свою невесту?

Жадов. Разумеется, люблю.

Вышневский. Что же ты готовишь для нее, какие радости в жизни? Нищету, всевозможные лишения. По моему мнению, кто любит женщину, тот старается усыпать путь ее, так сказать, всеми наслаждениями.

Юсов. Да-с.

Вышневский. Вместо шляпок там и разных мод, которые женщины считают необходимыми, ты будешь ей читать лекции о добродетели. Она, конечно, из любви тебя выслушает, а шляпок и салопов у нее все-таки не будет.

Вышневская. В его лета еще любовь не покупают.

Жадов. Тетушка говорит правду.

Вышневский. Я согласен, покупать любовь тебе нет надобности; но вознаградить ее, отплатить за любовь обязан всякий, иначе самая бескорыстная любовь остынет. Пойдут попреки, сетования на судьбу. Не знаю, каково будет тебе переносить, когда жена поминутно будет раскаиваться вслух, что, по неопытности, связала свою судьбу с нищим. Одним словом, ты *обязан* составить счастье женщины, которую ты любишь. А без богатства или, по крайней мере, довольства нет счастья для женщины. Ты, может быть, по своему обыкновению, станешь мне противоречить; так я тебе докажу, что это правда. Оглянись вокруг себя: какая умная девушка задумается выйти замуж за богатого старика или уроды? Какая мать усомнится выдать дочь таким образом, даже против ее воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество и благодаря Бога, что он послал ее Машеньке или Аннушке такое счастье. Каждая мать наперед уверена, что дочь после будет благодарить ее. Да и для собственного спокойствия, которое тоже что-нибудь стоит, муж должен обеспечить жену совершенно в материальном отношении; тогда даже... даже если жена и не совсем счастлива, так не имеет права... не смеет жаловаться. (С жаром.) Женщине, взятой из бедности и окруженной попечениями и роскошью, кто же поверит, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

Вышневская. Ваши слова так умны и убедительны, что могут обойтись и без моего согласия. (Уходит.)

Явление девятое

Те же, без Вышневецкой.

Жадов. Не все же женщины таковы, как вы говорите.

Вышневецкий. Почти все. Есть, конечно, исключения; но мудрено, чтоб на твою долю выпало это исключение. Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, как ты, в первую встречную. Послушай, я с тобой буду говорить как родственник, потому что мне жаль тебя. Что ты, в самом деле, о себе думаешь? Как ты будешь жить с женой без средств?

Жадов. Я буду жить трудом. Я надеюсь, что спокойствие совести может заменить для меня земные блага.

Вышневецкий. Твоя работа будет для поддержки семейства. Места хорошего ты не получишь, потому что ты с своим глупым характером не сумеешь ни одного начальника расположить в свою пользу, а скорее вооружишь. Спокойствие совести тоже не спасет тебя от голоду. Вот видишь, мой друг, в обществе заметно распространяется роскошь, а ваши спартагские добродетели не живут вместе с роскошью. Мне твоя мать поручила заботиться о тебе, и я обязан для тебя сделать все, что могу. Вот что я тебе советую в последний раз: укроти немного свой характер, брось завиральные идеи, брось, глупо ведь, служи, как служат все порядочные люди, то есть гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебе помочь и советом, и деньгами, и протекцией. Ты уж не маленький – жениться собираешься.

Жадов. Никогда!

Вышневецкий. Как это громко: «никогда!» и как это глупо вместе с тем! Я так думаю, что ты возьмешься за ум; я довольно видел таких примеров, только смотри не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда может не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдут вперед, трудно будет тебе начинать опять сначала. Я говорю тебе как чиновник.

Жадов. Никогда, никогда!

Вышневецкий. Ну, так живи, как знаешь, без поддержки. На меня уж не надейся. Мне надоело и говорить-то с тобой.

Жадов. Боже мой! Поддержка будет для меня в общественном мнении.

Вышневецкий. Да, дожидайся! У нас общественного мнения нет, мой друг, и быть не может, в том смысле, в каком ты понимаешь. Вот тебе общественное мнение: не пойман – не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живешь, лишь бы ты жил прилично и вел себя, как следует порядочному человеку. Ну, а если ты будешь ходить без сапог и читать всем мораль, так уж извини, если тебя не примут в порядочных домах и будут говорить о тебе как о пустом человеке. Я служил в губернских городах: там короче знают друг друга, чем в столицах; знают, что каждый имеет, чем живет, следовательно, легче может составиться общественное мнение. Нет, люди – везде люди. И там смеялись при мне над одним чиновником, который жил только на жалованье с большою семьей, и говорили по городу, что он сам себе шьет сюртуки; и там весь город уважал первого взяточника за то, что он жил открыто и у него по два раза в неделю бывали вечера.

Жадов. Неужели это правда?

Вышневецкий. Поживи, так узнаешь. Пойдем, Аким Акимыч. *(Встает.)*

Жадов. Дядюшка!

Вышневецкий. Что такое?

Жадов. Я получаю очень мало жалованья, мне нечем жить. Теперь есть вакансия, – позвольте мне занять ее, я женюсь...

Вышнеvский. Гм... Для этого места нужно мне не женатого, а способного человека. Я не могу, по совести, дать тебе больше жалованья: во-первых, ты его не стоишь, а во-вторых – ты мой родственник, сочтут лицепрятием.

Жадов. Как вам угодно. Буду жить на те средства, какие имею.

Вышнеvский. Да вот еще, мой милый! скажу тебе один раз навсегда: мне твой разговор не нравится, выраженья твои резки и непочтительны, и я не вижу никакой надобности для тебя расстроиваться. Не думай, чтобы я считал твои мнения оскорбительными – это слишком много чести для тебя, я просто считаю их глупыми. И потому все мои отношения к тебе, кроме начальнических, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадов. Так я лучше перейду в другое место.

Вышнеvский. Сделай милость. (*Уходит.*)

Явление десятое

Жадов и Юсов.

Юсов (*смотря ему в глаза*). Ха, ха, ха, ха!..

Жадов. Чему вы смеетесь?

Юсов. Ха, ха, ха!.. Да как же не смеяться-то? С кем вы спорите? ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жадов. Что же тут смешного?

Юсов. Что ж, дядюшка-то глупее вас? А, глупее? Меньше вас понимает в жизни? Да ведь это курам на смех. Ведь этак вы когда-нибудь уморите со смеху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жадов. Вы этого, Аким Акимыч, не понимаете.

Юсов. Понимать-то тут нечего. Хоть тысячу человек приведите, все бы померли со смеху, глядя на вас. Этого человека вам бы слушать надобно было, разиня рот, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Ведь это комедия, ей-богу, комедия, ха, ха, ха!.. Вот вас дядюшка-то и отделали, хе, хе, хе! да еще мало. То ли бы следовало. Будь я на его месте... (*Делает строгую гримасу и уходит в кабинет.*)

Явление одиннадцатое

Жадов (*один, подумав*). Да, разговаривайте! Не верю я вам. Не верю и тому, чтобы честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя с семейством. Не хочу верить и тому, что общество так развратно! Это обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им все в черном свете. Людям старого века завидно, что мы так весело и с такой надеждой смотрим на жизнь. А, дядюшка! я вас понимаю. Вы теперь всего достигли – и знатности, и денег, вам некому завидовать. Вы завидуете только нам, людям с чистой совестью, с душевным спокойствием. Этого вы не купите ни за какие деньги. Рассказывайте что хотите, а я все-таки женюсь и буду жить счастливо. (*Уходит.*)

Вьшневский и Юсов выходят из кабинета.

Явление двенадцатое

Юсов и Вышнецкий.

Вышнецкий. На ком он женится?

Юсов. На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежского асессора.

Вышнецкий. Ты знаком с ней?

Юсов. Так-с, с мужем был знаком. Белогубов на другой сестре жениться хочет.

Вышнецкий. Ну, Белогубов другое дело. Во всяком случае, ты к ней съезди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. *(Кивает головой и уходит.)*

Явление тринадцатое

Юсов (*один*). Что это за время такое! Что теперь на свете делается, глазам своим не поверишь! Как жить на свете! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговаривает-то? Кто спорит-то? Так, ничтожество! Дунул на него, фу! (*дует*)– вот и нет человека. Да еще с кем спорит-то! – С гением. Аристарх Владимирыч гений... гений, Наполеон. Ума необъятного, быстрота, смелость в делах. Одного недостает: в законе не совсем тверд, из другого ведомства. Кабы Аристарх Владимирыч, при его уме, да знал законы и все порядки так, как его предшественник, ну и конец... конец... и разговаривать нечего. Поезжай за ним, как по железной дороге. Так ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякие угоды, и дома, и деревни с пустошами... Дух захватывает! (*Уходит.*)

Действие второе

Действующие лица

Фелисата Герасимовна Кукушкина, вдова коллежского асессора.

Юлинька

Полина

Аким Акимыч Юсов.

Василий Николаич Жадов.

Онисим Панфилович Белогубов.

Стеша, горничная девушка.

Комната в доме Кукушкиной: обыкновенная гостиная в небогатых домах. Посредине дверь и налево дверь.

Явление первое

Юлинька, Полина стоят перед зеркалом и Стеша со щеткой и крылом в руках.

Стеша. Ну вот, мои барышни и готовы. Хоть сейчас женихи наезжайте, как на выставку выставлены, первый сорт. Такой форс покажем – в нос бросится. Генералу какому не стыдно показать!

Полина. Ну, Юлинька, по местам; сядем, как умные барышни сидят. Сейчас маменька будет нам смотр делать. Товар лицом продает.

Стеша (*стирая пыль*). Да уж как ни смотри, все в порядке, все на своем месте, все подшпилено да подколоно.

Юлинька. Она у нас такой ревизор; что-нибудь отыщет.

Садятся.

Стеша (*останавливается посреди комнаты*). Уж и в самом деле, барышни, вам от нее житья нет вовсе. Муштрует, муштрует, как солдат на ученье. Все на вытяжке да на вытяжке, – только что ноги поднимать не заставляет. А уж надо мной-то измывается, измывается – одной только чистотой одолела. (*Стирает пыль.*)

Юлинька. Нравится тебе твой жених, Василий Николаич?

Полина. Ах, просто душка! А тебе твой Белогубов?

Юлинька. Нет, дрянь ужасная!

Полина. Зачем же ты маменьке не скажешь?

Юлинька. Вот еще! Сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы из дому-то вырваться.

Полина. Да, правда твоя! Не попадись и мне Василий Николаич, кажется, рада бы первому встречному на шею броситься: хоть бы плохенький какой, только бы из беды выручил, из дому взял. (*Смеется.*)

Стеша (*нагибаясь под диван*). Уж истинно мука мученическая. Вот уж правду, барышня, говорите.

Полина. Другие девушки плачут, Юлинька, как замуж идут: как же это с домом расстаться! Каждый уголок оплачут. А мы с тобой – хоть за тридевять земель сейчас, хоть бы какой змей-горыныч унес. (*Смеется.*)

Стеша. Вот, не сотри я здесь, – так будет на орехи. А кто тут увидит, кому нужно! (*Стирает под зеркалом.*)

Юлинька. Ты счастлива, Полина; тебе все смешно; а я так серьезно начинаю подумывать. Выйти замуж не хитро – эта наука нам известна; надобно подумать и о том, как будешь жить замужем.

Полина. А об чем тут думать? Уж верно не будет хуже, чем дома.

Юлинька. Не хуже! Этого мало. Надобно, чтоб лучше было. Уж коли выйти замуж, так чтобы быть дамой, как следует барыней.

Полина. Оно бы очень хорошо, чего лучше, да только как это сделать? Ты ведь у нас умница: научи!

Юлинька. Надобно замечать из разговора, у кого что есть, кто на что надеется. Коли теперь нет, так в виду чего не имеет ли. Уж сейчас из слов видно, кто какой человек. Твой Жадов что говорит с тобой, как вы одни остаетесь?

Полина. Ну уж, Юлинька, вот хоть сейчас голову на отсечение, ничего не понимаю, что он говорит. Сожмет руку так крепко и начнет говорить, и начнет... чему-то меня учить хочет.

Юлинька. Чему же?

Полина. Уж, право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, может быть, вспомню, только как бы не засмеяться, слова такие смешные! Постой, постой, вспомнила! (*Передразнивая.*) «Какое назначение женщины в обществе?» Про какие-то еще гражданские добродетели говорил. Я уж и не знаю, что такое. Нас ведь этому не учили?

Юлинька. Нет, не учили.

Полина. Он, должно быть, в тех книгах читал, которые нам не давали. Помнишь... в пансионе? Да мы, правда, никаких не читали.

Юлинька. Есть об чем жалеть! и без них тоска смертная! Вот бы на гулянье или в театр – другое дело.

Полина. Да, сестрица, да.

Юлинька. Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нет, мой не таков.

Полина. Какой же твой?

Юлинька. Мой Белогубов хоть и противен немного, а надежды подает большие. «Вы, говорит, полюбите меня-с. Теперь еще мне жениться не время-с, а вот как столоначальником сделают, тогда женюсь». Я у него спрашивала, что такое столоначальник. «Это, говорит, первый сорт-с». Должно быть, что-нибудь хорошее. «Я, говорит, хоть и необразованный человек, да у меня много дел с купцами-с: так я вам буду из городу шелковые и разные материи возить, и насчет провианту все будет-с». Что ж? это очень хорошо, Полина, пускай возит. Тут и думать нечего, за такого человека надо идти.

Полина. А у моего, должно быть, нет знакомых купцов, он мне об этом ничего не говорит. Ну, как он мне не станет привозить ничего?

Юлинька. Нет, должно быть, и у твоего есть. Ведь он служащий, а служащим всем дарят, кому что нужно. Кому материи разные, коли женатый; а коли холостой – сукна, трико; у кого лошади – тому овса или сена, а то так и деньгами. Прошлый раз Белогубов был в жилетке, помнишь, такая пестрая, это ему купец подарил. Он мне сам сказывал.

Полина. Все-таки надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы.

Входит Кукушкина.

Явление второе

Те же и Кукушкина.

Кукушкина. Как себя не похвалить! У меня чистота, у меня порядок, у меня все в струне! (*Садится.*) А это что? (*Указывает горничной под диван.*)

Стеша. Да помилуйте, сил моих не хватает, всю поясницу разломило.

Кукушкина. Как ты смеешь, мерзкая, так разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядок, у меня по ниточке ходи.

Горничная подметает и уходит.

Юлинька!

Юлинька встает.

Я с вами хочу говорить.

Юлинька. Что вам угодно, маменька?

Кукушкина. Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нет.

Юлинька. Знаю, маменька.

Кукушкина. Пора знать, сударыня! доходов у меня нет ниоткуда, одна пенсия. Своди концы с концами, как знаешь. Я себе во всем отказываю. Поворачиваюсь, как вор на ярмарке, а я еще не старая женщина, могу партию найти. Понимаете вы это?

Юлинька. Понимаю-с.

Кукушкина. Я вам делаю модные платья и разные безделушки, а для себя перекрашиваю да перекраиваю из старого. Не думаете ли вы, что я наряжаю вас для вашего удовольствия, для франтовства? Так ошибаетесь. Все это делается для того, чтобы выдать вас замуж, с рук сбыть. По моему состоянию, я вас могла бы только в ситцевых да в затрапезных платьях водить. Если не хотите или не умеете себе найти жениха, так и будет. Я для вас обрывать да обрезать себя понапрасну не намерена.

Полина. Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, в чем дело.

Кукушкина. Ты молчи! не с тобой говорят. Тебе за глупость Бог счастье дал, так ты и молчи. Как бы не дурак этот Жадов, так бы тебе век горе мыкать, в девках сидеть за твое легкомыслие. Кто из умных-то тебя возьмет? Кому надо? Хвастаться тебе нечем, тут твоего ума ни на волос не было: уж нельзя сказать, что ты его приворожила – сам набежал, сам в петлю лезет, никто его не тянул. А Юлинька девушка умная, должна своим умом себе счастье составить. Позвольте узнать, будет от вашего Белогубова толк или нет?

Юлинька. Я, маменька, не знаю.

Кукушкина. Кто же знает? Вам известно, сударыня, что я посторонних молодых людей в дом не принимаю. Я принимаю только женихов или тех, которые могут быть женихами. У меня, коли мало-мальски похож на жениха, – милости просим, дом открыт, а как завиллял хвостом, так и поворот от ворот. Нам таких не надобно. Я свою репутацию берегу, да и вашу также.

Юлинька. Что же, маменька, мне делать?

Кукушкина. Делать то, что приказано. Вы помните одно, что вам в девках оставаться нельзя. Вы должны будете в кухне жить.

Юлинька. Я, маменька, делала все, что вы приказали.

Кукушкина. Что же вы делали? Извольте говорить, я буду слушать вас.

Юлинька. Когда он пришел к нам во второй раз, помните, еще вы его насильно привели, я сделала ему глазки.

Кукушкина. Ну, а он что?

Юлинька. А он как-то странно сжимал губы, облизывался. Мне кажется, он так глуп, что ничего не понял. Нынче всякий гимназист ловчее его.

Кукушкина. Уж я там ваших наук не знаю, а вижу, что он почтителен, и есть в нем этакое какое-то приятное искательство к начальству. Значит, он пойдет далеко. Я это сразу поняла.

Юлинька. Когда он был у нас в третий раз, помните, в пятницу, я ему стихи читала любовные; он тоже, кажется, ничего не понял. А уж в четвертый раз я ему записку написала.

Кукушкина. Что же он?

Юлинька. Он пришел и говорит: «Мое сердце никогда от вас не отвращалось, а всегда было, есть и будет».

Полина хохочет.

Кукушкина (*грозя ей пальцем*). Что же дальше?

Юлинька. Говорит: «Как только получу место столоначальника, так буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей».

Кукушкина. А скоро он получит?

Юлинька. Говорит, что скоро.

Кукушкина. Поди, Юлинька, поцелуй меня. (*Целует ее.*) Выйти замуж, мой друг, для девушки велико дело. Вы это после поймете. Я ведь мать, и мать строгая; с женихом что хочешь делай, я сквозь пальцы буду смотреть, я молчу, мой друг, молчу; а уж с посторонним, нет, шалишь, не позволю! Поди, Юлинька, сядь на свое место.

Юлинька садится.

А выйдете, дети, замуж, вот вам мой совет: мужьям потачки не давайте, так их поминутно и точите, чтоб деньги добывали; а то обленятся, потом сами плакать будете. Много бы надо было наставлений сделать; но вам теперь, девушкам, еще всего сказать нельзя; коли случится что – приезжайте прямо ко мне, у меня всегда для вас прием, никогда запрету нет. Все средства я знаю и всякий совет могу дать, даже и по докторской части.

Полина. Маменька, кто-то приехал.

Юлинька (*взглянув в окно*). Белогубов с каким-то стариком.

Кукушкина. Садитесь по местам. Юлинька, спусти немного мантилью с правого плеча.

Юсов и Белогубов входят.

Явление третье

Те же, Юсов и Белогубов.

Белогубов. Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! *(К барышням.)* Здравствуйте-с. *(Показывая на Юсова.)* Вот-с они желали-с... Это-с мой начальник и благодетель, Аким Акимыч Юсов-с. Все-таки лучше-с, Фелисата Герасимовна, когда начальство-с...

Кукушкина. Милости просим, милости просим! Садитесь покорно просим.

Аким Акимыч и Белогубов садятся.

Вот рекомендую вам: две мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенные дети, ни об чем понятия не имеют; им бы еще в куклы играть, а не то что замуж выходить. И жаль расставаться, а нечего делать. Такой товар дома не удержишь.

Юсов. Да-с, уж это закон судеб-с, круг житейский-с! Что предначертано от века, того уж человек не может-с...

Кукушкина. Я вам правду скажу, Аким Акимыч, они у меня в строгости воспитываются, от всего отдалены. Денег я не могу за ними дать много, но уж за нравственность мужа будут благодарны. Я люблю детей, Аким Акимыч, но строга, очень строга. *(Строго.)* Полина, подите распорядитесь чаем.

Полина *(встает)*. Сейчас, маменька. *(Уходит.)*

Юсов. Я сам строг-с. *(Строго.)* Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Ведь я строг?

Белогубов. Строги-с. *(Юлиньке.)* У меня опять новая жилетка-с. Вот посмотрите-с.

Юлинька. Очень хороша. Это вам тот же купец подарил?

Белогубов. Нет, другой-с. У этого фабрика лучше.

Юлинька. Пойдемте в гостиную, я вам свою работу покажу. *(Уходят.)*

Явление четвертое

Юсов и Кукушкина.

Кукушкина. Как любят друг друга, трогательно смотреть. Одного недостает молодому человеку – места, говорит, нет хорошего. Не могу, говорит, обеспечить жену всем полным спокойствием. Кабы, говорит, столоначальником сделали, я бы, говорит, мог жену содержать. А ведь жаль, Аким Акимыч! Такой прекрасный молодой человек, так влюблен...

Юсов (*нюхая табак*). Понемногу, Фелисата Герасимовна, понемногу.

Кукушкина. Однако вы должны знать, скоро ли он это место получит. Может быть, даже это и от вас зависит. Я за него просительница. (*Кланяется.*) Вам нельзя будет мою просьбу не уважить; я мать, нежная мать, хлопочу для счастья своих детей, своих птенцов.

Юсов (*сделав серьезную физиономию*). Скоро, скоро будет. Я уж об нем докладывал нашему генералу. А генерал весь в моих руках: что я скажу, то и будет. Мы его сделаем столоначальником. Я захочу, будет столоначальником, а не захочу, не будет столоначальником... Хе, хе, будет, будет! Генерал у меня вот где. (*Показывает руку.*)

Кукушкина. Признаться вам сказать, я даже не люблю холостых. Что они делают? так только землю тяготят.

Юсов (*важно*). Бремя на земле, бремя... и празднословие.

Кукушкина. Да-с. Да и в дом опасно принимать холостого человека, особенно у кого есть дочери или молодая жена. Кто его знает, что у него на уме. По-моему, молодого человека надо женить поскорей, он после сам будет благодарен, а то ведь они глупы, своей пользы не понимают.

Юсов. Да-с. От рассеянности. Ведь жизнь – это море житейское... поглощает.

Кукушкина. Холостой не может завести хозяйства у себя, об доме не заботится, ходит по трактирам.

Юсов. Да ведь и мы ходим-с... отдохновение от трудов...

Кукушкина. Ах, Аким Акимыч, большая разница. Вы пойдете, когда вас позовут, захотят вас угостить, уважение свое показать вам, а на свои вы ведь уж не пойдете.

Юсов. Как можно, нет-с, не пойду.

Кукушкина. Теперь возьмите: холостого человека проситель за какое-нибудь дело позовет в трактир, угостит обедом, да и все тут. Денег истратят много, а пользы ни на грош. А женатый-то, Аким Акимыч, скажет просителю: на что мне твои обеды, я пойду лучше с женою пообедаю, семейным образом, тихо, в своем угле, а ты мне дай чистыми. Да деньги-то принесет. Так оно две выгоды: и трезвый придет да и с деньгами... Который вы год женаты?

Юсов. Сорок третий год-с...

Кукушкина. Скажите! А как вы молоды на лицо!

Юсов. Регулярность в жизни... банки вчера ставил.

Кукушкина. Здоровому все здорово, особенно когда человек душой покоен, живет в довольстве.

Юсов. Я вам доложу, какая игра природы бывает... с человеком... из бедности и в богатство. Меня, сударыня, – давно уж это было – привели в присутствие в затрапезном халатишке, только что грамоте знал – читать да писать... Сидят, вижу, все люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, так оно еще больше важности придает. Страх на меня напал, слова выговорить не мог. Года два был на побегушках, разные комиссии исправлял: и за водкой-то бегал, и за пирогами, и за квасом, кому с похмелья, и сидел-то я не у стола, не на стуле, а у окошка на связке бумаг, и писал-то я не из чернилицы, а из старой помадной банки. А вот вышел в люди. Конечно, все это не от нас... свыше... знать, уж так надобно было мне

быть человеком и занимать важный пост. Иногда думаем с женой: за что так нас Бог взыскал своей милостью? На все судьба... и добрые дела нужно делать... помогать неимущим. Да-с, имею теперь три домика, хоть далеко, да мне это не мешает; лошадок держу четверню. Оно подальше-то лучше: и земли побольше, и не так шумно, да и разговору меньше, пересуду.

Кукушкина. Да, конечно. Садик, чай, имеете при домах-то?

Юсов. Как же-с. В летний зной прохлада и отдохновение членам. А гордости во мне нет-с. Гордость ослепляет... Мне хоть мужик... я с ним, как с своим братом... все равно, ближний... По службе нельзя... особенно верхоглядов не люблю, нынешних образованных-то. С этими строг и взыскателен. Возмечтали очень. Предрассудкам этим я не верю, будто ученые с неба звезды хватают. Видал я их: не лучше нас, грешных, да и к службе не так внимательны. У меня правило – всячески их теснить для пользы службы... потому от них вред. Как-то, Фелисата Герасимовна, к простым людям больше сердце лежит. При нынешних строгостях случается с человеком несчастье, выгонят из уездного училища за неуспехи или из низших классов семинарии: как его не призреть? Он и так судьбой убит, всего он лишен, всем обижен. Да и люди-то выходят по нашему делу понятливее и подобострастнее, душа у них открытее. По христианскому долгу, выведешь такого человека в люди, он тебе всю жизнь благодарен: и в посаженные отцы зовет, и в кумовья зовет. Ну, и в будущем веке мзда... Вот Белогубов, ведь грамоты не знает, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, как сына: в нем чувство есть. А признаться вам сказать, другой ваш жених... он ведь тоже под начальством у меня... Так я могу судить...

Кукушкина. Что же такое?

Юсов (*делает серьезное лицо*). Неблагонадежен.

Кукушкина. Отчего же? Ведь он не пьяница, не мот, к службе не ленив?

Юсов. Да-с. Но... (*нюхает табак*) неблагонадежен.

Кукушкина. Каким же образом, растолкуйте мне, батюшка, Аким Акимыч, ведь я мать.

Юсов. А вот, изволите ли видеть. Имеет такого человека родственником... Аристарх Владимирыч Вышневецкий.

Кукушкина. Знаю.

Юсов. Особа, уж можно сказать, особа.

Кукушкина. Знаю.

Юсов. А он оказывает непочтение.

Кукушкина. Знаю, знаю.

Юсов. Против начальства груб... высокомерие сверх границ... и даже такие мысли... развращает юношество... а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотреть.

Кукушкина. Знаю.

Юсов. А коли знаете, так сами можете рассудить. Какие времена пришли, Фелисата Герасимовна, житья нет! А от кого? От дряни, от мальчишек. Сотнями выпускают их; заполонят нас совсем.

Кукушкина. Эх, Аким Акимыч, женится – переменится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, без оглядки ничего не сделаю. У меня такое правило: как только повадился к нам молодой человек, так и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную или сама от сторонних людей разведать. Все эти глупости в нем, по-моему, происходят от холостой жизни. Вот как женится, да мы на него насядем, так и с дядей помирится, и служить будет хорошо.

Юсов. Он переменится, и начальство к нему переменится... (*Помолчав.*) Нет прежних чиновников, Фелисата Герасимовна! Упадает чиновничество. Духу того нет. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто! Умирать не надо. Купались, просто купались, Фелисата Герасимовна. Прежние-то чиновники были орлы, орлы, а теперь молодежь, верхогляды, пустота какая-то.

Жадов входит.

Явление пятое

Те же и Жадов.

Кукушкина. Милости просим, Василий Николаич, милости просим. Полина совсем стосковалась об вас. Все глаза проглядела, то к тому окошку подбежит, то к другому. Уж так любить, так любить!.. Я, право, и не видывала. Счастливы вы, Василий Николаич. За что вас так любят-то, скажите вы мне?

Жадов. Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздал немного. Ах, Аким Акимыч! (*Кланяется.*) Вы каким образом?

Кукушкина. Аким Акимыч так добры, так пекутся о своих чиновниках... я уж и не знаю, как быть им благодарною. Сами потрудились приехать, познакомиться.

Жадов (*Юсову*). Благодарю вас. А впрочем, напрасно беспокоились.

Юсов. Я, Фелисата Герасимовна, больше для Белогубова. Родных у него нет, я ему вместо отца...

Кукушкина. Уж не говорите, Аким Акимыч, вы сами семейный человек, и я сейчас увидела, что вы стараетесь молодых людей всячески поощрять к семейной жизни. Я сама того же мнения, Аким Акимыч. (*К Жадову.*) Вы себе представить не можете, Василий Николаич, как я страдаю, когда вижу, что два влюбленных сердца разделяют какие-нибудь препятствия. Когда читаешь роман, видишь, как обстоятельства запрещают влюбленным видеться, или родители не согласны, или состояние не позволяет, – как страдаешь в эту минуту. Я плачу, просто плачу! И как жестоки бывают иногда родители, которые не хотят уважить чувства своих детей. Некоторые даже умирают от любви по этому случаю. Но когда видишь, что все идет к благополучной развязке, все препятствия уничтожаются, (*восторженно*) любовь торжествует и молодые люди соединяются законным браком, как сладко становится на душе. Так даже нега какая-то по всем членам.

Полина входит.

Полина. Пожалуйста, чай готов. (*Увидав Жадова.*) Василий Николаич! Не стыдно ли заставлять так страдать? Я ждала, ждала вас.

Жадов (*целует руку*). Виноват.

Кукушкина. Поди, дитя мое, поцелуй меня.

Полина (*Жадову*). Пойдемте.

Кукушкина. Пойдемте, Аким Акимыч!

Уходят. Белогубов и Юлинька входят с чашками в руках.

Явление шестое

Белогубов и Юлинька.

Юлинька. Как я вижу, вы всё меня обманываете.

Белогубов. Как же я смею вас обманывать-с? С чем это сообразно?

Садятся.

Юлинька. Мужчинам верить ни в чем нельзя, решительно ни в чем.

Белогубов. Отчего же такая критика на мужчин?

Юлинька. Какая же критика, когда это истинная правда?

Белогубов. Не может быть-с. Это один разговор; мужчины обыкновенно комплименты говорят, а барышни им не верят, говорят, что мужчины обманщики.

Юлинька. Вы все знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментов говорили в своей жизни.

Белогубов. Мне некому было, да и не умею-с. Вам известно, что я недавно стал вхож в дом-с, а прежде этого и знакомства никакого не имел.

Юлинька. И вы никого не обманывали?

Белогубов. Насчет чего вы спрашиваете?

Юлинька. Не говорите. Я вам ни одного слова не верю. *(Отворачивается.)*

Белогубов. Да за что же-с? Это даже обидно.

Юлинька. Кажется, можете понять.

Белогубов. Не понимаю-с.

Юлинька. Не хотите! *(Закрывает глаза платком.)*

Белогубов. Я вас могу заверить чем угодно-с, что я всегда-с... как был влюблен, так и теперь... Я вам уж докладывал...

Юлинька. Любите, а медлите.

Белогубов. Да-с... Теперь понимаю-с. Так ведь это не такого рода дело-с... скоро нельзя-с.

Юлинька. Отчего же Жадову можно?

Белогубов. Совсем другое дело-с. У него дяденька богатый-с, да и сам он образованный человек, везде может место иметь. Хоть и в учителя пойдет – все хлеб-с. А я что-с? Пока не дадут места столоначальника, ничего не могу-с... Да и вы сами не захотите щи да кашу кушать-с. Это только нам можно-с, а вы барышня, вам нельзя-с. А вот получу место, тогда совсем другой переворот будет.

Юлинька. Когда же этот переворот будет?

Белогубов. Теперь скоро-с. Обещали. Как только получу место, так в ту ж минуту... только платье новое сошью... Я уж и маменьке говорил-с. Вы не сердитесь, Юлия Ивановна, потому что не от меня зависимо. Пожалуйста ручку.

Юлинька протягивает руку, не глядя на него. Он целует.

Я уж и сам жду не дождусь.

Входят Жадов и Полина.

Юлинька. Уйдемте, оставимте их одних.

Уходят.

Явление седьмое

Жадов и Полина (салятся).

Полина. Знаете, что я вам скажу?

Жадов. Нет, не знаю.

Полина. Только вы, пожалуйста, маменьке не сказывайте.

Жадов. Не скажу, будьте покойны.

Полина (*подумав*). Я сказала бы вам, да боюсь, что вы меня разлюбите.

Жадов. Вас разлюбить? Да разве это можно?

Полина. Да вы правду говорите?

Жадов (*берет за руку*). Да уж не разлюблю, поверьте.

Полина. Ну, смотрите же. Я вам по простоте скажу. (*Тихо.*) У нас в доме все обман, все, все, решительно все. Вы, пожалуйста, ничему не верьте, что вам говорят. За нами ничего нет. Маменька говорит, что нас любит, а совсем не любит, только хочет поскорее с рук сбить. Женихам в глаза льстит, а за глаза ругает. Нас заставляет притворяться.

Жадов. Вас это возмущает? Возмущает?

Полина. Только я не притворяюсь, я в самом деле вас люблю.

Жадов. Вы меня с ума сведете! (*Целует руку.*)

Полина. Да еще вот что я вам скажу: мы ведь совсем не образованны. Еще Юлия кой-что знает, я так вовсе дурочка.

Жадов. Как дурочка?

Полина. Так, как бывают дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала... что вы иногда говорите, ничего не понимаю, решительно ничего.

Жадов. Вы ангел! (*Целует у ней руки.*)

Полина. Я вот только добрее Юлиньки, а глупее ее гораздо.

Жадов. За то-то я вас и люблю, что вас не успели ничему выучить, не успели испортить вашего сердца. Вас надобно поскорей взять отсюда. Мы с вами начнем новую жизнь. Я с любовью займусь вашим воспитанием. Какое наслаждение ожидает меня!

Полина. Ах, поскорей бы!

Жадов. Что же откладывать? Я уж решился. (*Страстно смотрит на нее.*)

Молчание.

Полина. У вас есть знакомые купцы?

Жадов. Что за вопрос? На что вам?

Полина. Так. Мне хочется знать.

Жадов. Я не понимаю, однако, для чего вам это?

Полина. А вот для чего. Белогубов говорит, что у него есть знакомые купцы и что они дарят ему жилетки, а когда он женится, тогда будут дарить материи жене на платье.

Жадов. Вот что! Ну, нет, нам дарить не будут. Мы с вами будем сами трудиться. Так ведь, Полина?

Полина (*рассеянно*). Да-с.

Жадов. Нет, Полина, вы еще не знаете высокого блаженства жить своим трудом. Вы во всем обеспечены, Бог даст, узнаете. Все, что мы приобретем, будет наше, мы уж никому не будем обязаны. Понимаете вы это? Тут два наслаждения: наслаждение трудом и наслаждение свободно и с спокойной совестью распоряжаться своим добром, не давая никому отчета. А это лучше всяких подарков. Не правда ли, Полина, ведь лучше?

Полина. Да-с, лучше.

Молчание.

Хотите, я вам загадаю загадку?

Жадов. Загадайте.

Полина. Что идет без ног?

Жадов. Вот какая загадка! Дождик.

Полина. Как это вы все знаете! Досадно, право. Я так никак не могла отгадать, уж Юлинька сказала.

Жадов. Дитя! Оставайтесь всегда таким ребенком.

Полина. А можно счесть звезды на небе?

Жадов. Можно.

Полина. Нет, нельзя. Я вам не поверю.

Жадов. Да нечего и трудиться считать, они уж сосчитаны.

Полина. Вы смеетесь надо мной. *(Отворачивается.)*

Жадов *(нежно)*. Мне смеяться над вами, Полина! Я всю жизнь хочу посвятить вам. Посмотрите на меня хорошенько, могу ли я смеяться над вами?

Полина *(смотрит на него)*. Нет, нет...

Жадов. Вы говорите, что вы дуручка, – я дурак. Смейтесь надо мною! Да уж многие и смеются. Без средств, без состояния, с одними надеждами на будущее, я женюсь на вас. Зачем ты женишься? – говорят мне. Зачем? Затем, что люблю вас, что верю в людей. Что я поступаю необдуманно – с этим я согласен. Когда же мне думать, я так люблю вас, что мне некогда думать.

Кукушкина и Юсов входят.

Полина *(с некоторым чувством)*. Я сама вас люблю.

Жадов целует у ней руку.

Кукушкина *(Юсову)*. Посмотрите, точно голуби воркуют. Не мешайте им. Трогательно видеть!

Белогубов и Юлинька входят.

Явление восьмое

Жадов, Полина, Кукушкина, Юсов, Белогубов и Юлинька.

Жадов (*оборачиваясь, берет Полину за руку и подводит к Кукушкиной*). Фелисата Герасимовна, отдайте мне это сокровище.

Кукушкина. Признаюсь вам, мне тяжело с ней расстаться. Это любимая моя дочь... она была бы мне утешением на старости... но Бог с ней, возьмите ее... ее счастье для меня дороже. (*Закрывает лицо платком.*)

Жадов и Полина целуют у ней руки. Белогубов подает ей стул. Садится.

Юсов. Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

Кукушкина. Да, я этим похвастаться могу. (*С жаром.*) Нет, воспитание дочерей неблагодарное дело! Вырастишь, взлелеешь подле себя, и потом отдай чужому человеку... останься сиротой... ужасно! (*Закрывает глаза платком.*)

Белогубов. Маменька, мы вас не оставим.

Полина и **Юлинька** (*вместе.*) Маменька, мы вас не оставим.

Между вторым и третьим действиями проходит около года.

Действие третье

Действующие лица

Жадов.
Мыкин, его приятель, учитель.
Досужев.
Юсов.
Белогубов.
1-й чиновник
2-й чиновник
Григорий
Василий
Гости и половые в другой комнате.

Трактир. Задняя занавесь на втором плане, посреди машина, направо отворенная дверь, в которую видна комната, налево вешалка для платья, на авансцене по обе стороны столы с диванами.

Явление первое

Василий стоит у машины и читает газету. Григорий стоит у двери и смотрит в другую комнату. Жадов и Мыкин входят. Григорий их провожает, стирает со стола и стелет салфетку.

Мыкин. Ну что, старый приятель, как поживаешь?

Жадов. Плохо, брат. (*Григорью.*) Дай-ко нам чаю.

Григорий уходит.

А ты как?

Мыкин. Ничего. Живу себе, учительствую понемногу.

Садятся.

Жадов. Много ли ты получаешь?

Мыкин. Двести рублей.

Жадов. Тебе довольно?

Мыкин. Так и живу, соображаясь со средствами. Лишних затей, как видишь, не завожу.

Жадов. Да, холостому жить можно.

Мыкин. И тебе не надобно было жениться! Нашему брату жениться не след. Где уж нам, голякам! Сыт, прикрыт чем-нибудь от влияния стихий – и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бедна, а хоть и бедна, так одна.

Жадов. Дело сделано.

Мыкин. Посмотри ты на себя, такой ли ты был прежде. Что, брат, видно, укатали сивку крутые горки? Нет, нашему брату жениться нельзя. Мы работники.

Григорий подает чай. Мыкин наливает.

Уж служить, так служить; для себя пожить после успеем, коли придется.

Жадов. Что ж делать-то! Я полюбил ее очень.

Мыкин. Мало ли что, полюбил! Разве другие-то не любят? Эх, брат, и я любил, да не женился вот. И тебе не следовало жениться.

Жадов. Да отчего же?

Мыкин. Очень просто. Холостой человек думает о службе, а женатый о жене. Женатый человек ненадежен.

Жадов. Ну, вот вздор.

Мыкин. Нет, не вздор. Я не знаю, чего бы я ни сделал для той девушки, которую любил. Но я решился лучше принести жертву. Лучше, брат, заморить в себе это весьма законное чувство, чем подвергнуться искушениям.

Жадов. Я думаю, тебе нелегко было?

Мыкин. Ну, да уж что говорить! Отказываться вообще нелегко; а отказаться от любимой женщины, когда и препятствий никаких нет, кроме бедности... Ты очень любишь свою жену?

Жадов. Безумно.

Мыкин. Ну, плохо дело! Умна она?

Жадов. Право, не знаю. Знаю только, что она мила необыкновенно. Какая-нибудь безделица расстроит ее, она так мило, так искренно расплачется, что сам, глядя на нее, заплачешь.

Мыкин. Ты мне скажи откровенно, как ты живешь. Я ведь тебя полтора года не видал.

Жадов. Изволь. История моя коротка. Я женился по любви, как ты знаешь, взял девушку неразвитую, воспитанную в общественных предрассудках, как и все почти наши барышни, мечтал ее воспитать в наших убеждениях, и вот уж год женат...

Мыкин. И что же?

Жадов. Разумеется, ничего. Воспитывать ее мне некогда, да я и не умею приняться за это дело. Она так и осталась при своих понятиях; в спорах, разумеется, я ей должен уступать. Положение, как видишь, незавидное, а поправить нечем. Да она меня и не слушает, она меня просто не считает за умного человека. По их понятию, умный человек должен быть непременно богат.

Мыкин. Вот куда пошло! Ну, а как насчет средств?

Жадов. Работаю с утра до ночи.

Мыкин. И все не хватает?

Жадов. Нет, жить можно.

Мыкин. Ну, а жена?

Жадов. Дуется немного, а иногда поплачет. Что ж делать!

Мыкин. Жаль мне тебя. Нет, брат, нам жениться нельзя. Я вот год был без места, ел один черный хлеб. Что бы я с женой-то делал?

Досуржев входит.

Явление второе

Те же и Досужев.

Досужев (*сидя у другого стола*). Гарсон, жизни!

Василий. Какой прикажете?

Досужев. Рябиновой. С приличной нашему званию закуской.

Василий. Слушаю-с. (*Идет к двери.*)

Досужев. Французской горчицы! Слышишь? Трактир запечатаю. Григорий, запусти шарманку.

Григорий. Сейчас-с. (*Заводит машину.*)

Мыкин. Вот это, должно быть, холостой!

Досужев. Что вы на меня смотрите? Я вот карася дожидаюсь.

Жадов. Какого карася?

Досужев. Придет с рыжей бородой, я его буду есть.

Василий приносит водку.

Ты, Василий, поглядывай его там. Как придет, так скажи мне.

Машина играет.

Господа, видали, как пьяные немцы плачут? (*Представляет плачущего немца.*)

Жадов и Мыкин смеются. Машина замолкает.

Мыкин (*Жадову*). Ну, прощай! Как-нибудь зайду к тебе.

Жадов. Прощай.

Мыкин уходит.

Василий (*Досужеву*). Пожалуйста, пришел-с.

Досужев. Позови сюда.

Василий. Нейдет-с. Сел в заднюю комнату.

Досужев (*Жадову*). Конфузится. Прощайте! Коли посидите здесь, я приду поговорить с вами, мне ваша физиономия понравилась. (*Уходит.*)

Жадов (*Василью*). Дай-ко что-нибудь почитать.

Василий (*подает книгу*). Извольте вот прочитать статейку. Одобряют-с.

Жадов читает. Входят: Юсов, Белогубов, 1-й и 2-й чиновники.

Явление третье

Жадов, Юсов, Белогубов, 1-й и 2-й чиновники.

Белогубов. Аким Акимыч-с, мы там пообедали, позвольте вас здесь вином угостить, и музыка поиграет-с.

Юсов. Угощай, угощай!

Белогубов. Какого прикажете? Шампанского-с?

Юсов. Ну его...

Белогубов. Так рейнвейну-с? Господа, садитесь!

Садятся все, кроме Белогубова.

Василий! принеси рейнвейну, заграничной разливки.

Василий уходит.

А, братец, здравствуйте! Не угодно ли с нами за компанию? (*Подходит к Жадову.*)

Жадов. Благодарю вас. Я не пью.

Белогубов. Что это, братец, помилуйте! Для меня-то!.. одну рюмочку... мы с вами теперь родственники!

Василий приносит вино. Белогубов подходит к своему столу.

Наливай!

Василий наливает.

Юсов. Ну, брат, за твое здоровье! (*Берет рюмку и встает.*)

1-й и 2-й чиновники. За ваше здоровье-с. (*Берут рюмки и встают.*)

Юсов (*показывая пальцем на голову Белогубова*). В этом лбу, в этой голове всегда видел прок.

Чокаются рюмками.

Поцелуемся!

Целуются.

Белогубов. Нет, позвольте ручку-с.

Юсов (*прячет руку*). Не надо, не надо. (*Садится.*)

Белогубов. Через вас человек стал-с.

1-й и 2-й чиновники. Позвольте-с. (*Чокаются с Белогубовым, пьют и садятся.*)

Белогубов (*наливает рюмку и подает на подносе Жадову*). Братец, сделайте одолжение.

Жадов. Я вам сказал, что не пью.

Белогубов. Нельзя-с, братец, обидите.

Жадов. Это скучно, наконец.

Белогубов. Коли вина не угодно, чем прикажете вас потчевать? Чего только пожелаете, братец, все с удовольствием.

Жадов. Ничего мне не нужно. Оставьте меня в покое! (*Читает.*)

Белогубов. Ну, как угодно. Не знаю, братец, за что обижаете. Я со всем расположением... (*Отходит к своему столу.*)

Юсов (*тихо*). Оставь его.

Белогубов (*садится*). Господа, еще по рюмочке! (*Наливает.*) Пирожного не прикажете ли? Василий, принеси пирожного побольше!

Василий уходит.

Юсов. Ты что-то нынче разгулялся! Должно быть, ловко хватил?

Белогубов (*показывая на карман*). Попало-таки! А кому? Все вам обязан.

Юсов. Зацепил, должно быть?

Белогубов (*вынимает пачку ассигнаций*). Вот они-с.

Юсов. Да уж я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивит.

Белогубов (*прячет деньги*). Нет, позвольте! Кому же я обязан? Разве бы я понимал что, кабы не вы? От кого я в люди пошел, от кого жить стал, как не от вас? Под вашим крылом воспитался! Другой бы того и в десять лет не узнал, всех тонкостей и оборотов, что я в четыре года узнал. С вас пример брал во всем, а то где бы мне с моим-то умом! Другой отец того не сделает для сына, что вы для меня сделали. (*Утирает глаза.*)

Юсов. У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другие не могут.

Василий приносит пирожное.

Белогубов. Что бы я был? Дурак-с! А теперь член общества, все уважают, по городу идешь, все купцы кланяются, в гости позовут, не знают, где посадить, жена меня любит. А то за что бы ей любить-то меня, дурака? Василий! Нет ли у вас конфект каких дорогих?

Василий. Можно достать-с.

Белогубов. Это жене-с. (*Василью*). Ну, так ты заверни в бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не пожалею.

Василий идет.

Постой! И пирожного туда положи всякого.

Юсов. Будет с нее, избалуешь.

Белогубов. Нельзя-с. (*Василью*.) Всего положи, слышишь?

Василий. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Белогубов. Люблю, очень люблю жену-с. Будешь угождать, и она будет больше любить, Аким Акимыч. Что я перед ней-с? Она образованная-с... Платье нынче купил-с... то есть не купил, а так взял, после сочтемся.

Юсов. Все равно. Неужели деньги платить? Может быть, дело какое-нибудь будет, ну и квит. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится.

Василий приносит конфекты в бумаге.

Белогубов. Положи в шляпу. Еще по рюмочке-с. (*Наливает.*) Василий! Еще бутылку.

Юсов. Будет.

Белогубов. Нет, уж позвольте-с. Здесь не вы распоряжаетесь, а я.

Василий уходит.

1-й чиновник. Какой случай был! Писарек у нас, так, дрянненький, какую штуку выкинул! Фальшивую копию с решения написал (что ему в голову пришло!) и подписался за всех присутствующих, да и снес к истцу. А дело-то интересное, денежное. Только он копию-то не отдал, себе на уме, а только показал. Ну, и деньги взял большие. Тот после пришел в суд, а дело-то совсем не так.

Белогубов. Это уж подлость! За это выгнать нужно.

Юсов. Именно выгнать. Не марай чиновников. Ты возьми, так за дело, а не за мошенничество. Возьми так, чтобы и проситель был не обижен и чтобы ты был доволен. Живи по закону; живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Что за большим-то гоняться! Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает. А этот уж что за человек! Не нынче, так завтра под красную шапку угодит.

Белогубов (*наливает рюмку*). Пожалуйте, Аким Акимыч! Что я у вас попрошу, вы мне не откажете? Я вам в ножки поклонюсь.

Юсов. Проси.

Белогубов. Помните, вы прошлый раз прошлись под машину: «По улице мостовой»-с?

Юсов. Ишь что выдумал!

Белогубов. Осчастливьте, Аким Акимыч! Так, чтоб уж я всю жизнь помнил.

Юсов. Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить «По улице мостовой».

Белогубов. Эй, Василий! Пусти «По улице мостовой», да постой у двери, посмотри, чтобы не вошел кто.

Василий. Слушаю-с. (*Заводит машину.*)

Юсов (*показывая на Жадова*). Вот этот-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумает что-нибудь.

Белогубов (*садясь к Жадову*). Братец, будьте с нами по-родственному. Вот Аким Акимыч вас конфузятся.

Жадов. Чего же он конфузится?

Белогубов. Да они потанцевать хотят. Надо, братец, и развлечение какое-нибудь иметь после трудов. Не все же работать. Что ж такое! Это удовольствие невинное, мы никого не обижаем!

Жадов. Танцуйте, сколько угодно, я вам не мешаю.

Белогубов (*Юсову*). Ничего-с, Аким Акимыч, он с нами по-родственному.

Василий. Прикажете пустить?

Юсов. Пускай!

Машина играет «По улице мостовой». Юсов пляшет. По окончании все, кроме Жадова, хлопают.

Белогубов. Нет, уж теперь нельзя-с! Надо шампанского выпить! Василий, бутылку шампанского! Да много ли денег за все?

Василий (*считает на счетах*). Пятнадцать рублей-с.

Белогубов. Получи! (*Отдает.*) Вот тебе полтинник на чай.

Василий. Благодарю покорно-с. (*Уходит.*)

Юсов (*громко*). Вы, молодежь, молокососы, чай, смеяться над стариком!

1-й чиновник. Как можно, Аким Акимыч, мы не знаем, как вас благодарить!

2-й чиновник. Да-с.

Юсов. Мне можно плясать. Я все в жизни сделал, что предписано человеку. У меня душа покойна, сзади ноша не тянет, семейство обеспечил – мне теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божий мир! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цветок увижу, и на него радуюсь: премудрость во всем вижу.

Василий приносит бутылку, откупоривает и наливает в продолжение речи Юсова.

Помня свою бедность, нищую братию не забываю. Других не осуждаю, как некоторые молокососы из ученых! Кого мы можем осуждать! Мы не знаем, что еще сами-то будем! Посмеялся ты нынче над пьяницей, а завтра сам, может быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а может быть, сам завтра будешь вором. Почему мы знаем свое определение, кому чем быть назначено? Знаем одно, что все там будем. Вот ты нынче посмеялся (*показывая глазами на Жадова*), что я плясал; а завтра, может быть, хуже меня запляшешь. Может быть (*кивая головой на Жадова*), и за подаянием пойдешь, и руку протянешь. Вот гордость-то до чего доводит! Гордость, гордость! Я плясал от полноты души. На сердце весело, на душе покойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади перед всем народом буду плясать. Мимоходящие скажут: «Сей человек пляшет, должно быть, душу имеет чисту!» – и пойдет всякий по своему делу.

Белогубов (*поднимая бокал*). Господа! За здоровье Акима Акимыча! Ура!

1-й и 2-й чиновники. Ура!

Белогубов. Вот бы вы, Аким Акимыч, ошастливили нас, заехали к нам как-нибудь. Мы еще с женой люди молодые, посоветовали бы нам, поученье бы сказали, как жить в законе и все обязанности исполнять. Кажется, будь каменный человек, и тот в чувство придет, как вас послушает.

Юсов. Заеду как-нибудь. (*Берет газету.*)

Белогубов (*наливает бокал и подносит Жадову*). Уж я, братец, от вас не отстану.

Жадов. Что вы мне не дадите почитать! Интересная статья попалась, а вы все мешаете.

Белогубов (*сидясь подле Жадова*). Братец, вы на меня напрасно претензию имеете. Бросимте, братец, всю эту вражду. Выкушайте! Для меня теперь это ничего не значит-с. Будемте жить по-родственному.

Жадов. Нельзя нам с вами жить по-родственному.

Белогубов. Отчего же-с?

Жадов. Не пара мы.

Белогубов. Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь в счастии, а вы в бедном положении. Что ж, я не горжусь. Ведь это, как кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братец, что вы нуждаетесь; может быть, вам деньги нужны; не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолжение не сочту. Что за счета между родными!

Жадов. С чего вы выдумали предлагать мне деньги!

Белогубов. Братец, я теперь в довольстве, мне долг велит помогать. Я, братец, вижу вашу бедность.

Жадов. Какой я вам братец! Оставьте меня.

Белогубов. Как угодно! Я от души предлагал. Я, братец, зла не помню, не в вас. Мне только жаль смотреть на вас с женой с вашей. (*Отходит к Юсову.*)

Юсов (*бросая газету*). Что нынче пишут! Ничего нравоучительного нет! (*Наливает Белогубову.*) Ну, допивай. Пойдемте!

Белогубов (*допивает*). Пойдемте!

Василий и Григорий подают шинели.

Василий (*подает Белогубову два свертка*). Вот, захватите-с.

Белогубов (*умильно*). Для жены-с. Люблю-с.

Уходят. Досужев входит.

Явление четвертое

Жадов и Досужев.

Досужев. Не стая воронов слеталась!

Жадов. Правда ваша.

Досужев. Поедемте в Марьину рошу.

Жадов. Мне нельзя.

Досужев. Отчего же? Семья, что ли? Детей нянчить надо?

Жадов. Детей не нянчить, а жена дома дожидается.

Досужев. Да вы давно с ней не видались?

Жадов. Как давно? Сегодня утром.

Досужев. Ну, так это недавно. Я думал, дня три не видались.

Жадов смотрит на него.

Что вы на меня смотрите! Я знаю, что вы думаете обо мне. Вы думаете, что я такой же, как вот эти франты, что ушли; так ошибаетесь. Ослы во львиной шкуре! Только шкура-то и страшна. Ну и пугают народ.

Жадов. Признаться вам сказать, я никак не разберу, что вы за человек.

Досужев. А вот, извольте ли видеть, во-первых – я веселый человек, а во-вторых – замечательный юрист. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступил я на маленькое жалованье; взятку брать не могу – душа не переносит, а жить чем-нибудь надо. Вот я и взялся за ум: принялся за адвокатство, стал купцам слезные прошения писать. Уж коли не ехать, так давайте выпьем. Василий, водки!

Василий уходит.

Жадов. Я не пью.

Досужев. Где вы родились? Ну, да это вздор! Со мной можно. Ну, вот-с, стал я слезные прошения писать-с. Ведь вы не знаете, что это за народ! Я вам сейчас расскажу.

Входит Василий.

Налей две. Получи за весь графин. *(Отдает деньги.)*

Жадов. И с меня за чай. *(Отдает.)*

Василий уходит.

Досужев. Выпьем!

Жадов. Извольте; для вас только, а то, право, не пью.

Чокаются и пьют. Досужев наливает еще.

Досужев. Напиши бороде прошение просто да возьми с него недорого, так он тебя оседляет. Откуда фамильярность явится: «Ну, ты, писака! нб тебе на водку». Почувствовал я к ним злобу неукротимую! Выпьемте! Пити вмерти, й не пити вмерти; так вже лучше пити вмерти.

Пьют.

Стал я им писать по их вкусу. Например: надо представить вексель ко взысканию – и всего-то десять строк письма, а ему пишешь листа четыре. Начинаю так: «Будучи обременен в многочисленном семействе количеством членов». И все его орнаменты вставишь. Так напишешь, что он плачет, а вся семья рыдает до истерики. Насмеешься над ним да возьмешь с него кучу денег, вот он и уважает тебя, и кланяется в пояс. Хоть веревки из него вей. Все их толстые тещи, все бабушки невест тебе сватают богатых. Человек-то уж очень хорош, по душе им пришелся. Выпьемте!

Жадов. Будет!

Досужев. За мое здоровье!

Жадов. Уж разве за ваше здоровье.

Пьют.

Досужев. Много надо силы душевной, чтобы с них взятки не брать. Над честным чиновником они сами же смеяться будут; унижать готовы – это им не с руки. Кремнем надо быть! И храбриться-то, право, не из чего! Тащи с него шубу, да и все тут. Жаль, не могу. Я только беру с них деньги за их невежество да пропиваю. Эх! охота вам было жениться! Выпьемте. Как вас зовут?

Жадов. Василий.

Досужев. Тезка. Выпьем, Вася.

Пьют.

Я вижу, ты хороший человек.

Жадов. Какой я человек! Я ребенок, я об жизни не имею никакого понятия. Все это ново для меня, что я от вас слышу. Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем же нас учили!

Досужев. Пей, легче будет.

Жадов. Нет, нет! (*Опускает голову на руки.*)

Досужев. Так ты не поедешь со мной?

Жадов. Не поеду. Зачем вы меня поили! Что вы со мной сделали!

Досужев. Ну, прощай! Вперед будем знакомы! Захмелел, брат! (*Жмет Жадову руку.*) Василий, манто! (*Надевает шинель.*) Ты меня строго не суди! Я человек потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. (*Идет к двери и возвращается.*) Да! вот тебе еще мой совет. Может быть, с моей легкой руки, запьешь, так вина не пей, а пей водку. Вино нам не по карману, а водка, брат, лучше всего: и горе забудешь, и дешево! Adieu! ¹ (*Уходит.*)

Жадов. Нет! пить нехорошо! Ничего не легче – еще тяжелей. (*Задумывается.*)

Василий, по приказанию из другой залы, заводит машину. Машина играет «Лучинушку».

(*Поет.*) «Лучина, лучинушка, березовая!..»

Василий. Пожалуйте-с! Нехорошо-с! Безобразно-с!

Жадов машинально надевает шинель и уходит.

¹ Прощай! (*франц.*) – Ред.

Действие четвертое

Действующие лица

Василий Николаич Жадов.
Полина, жена его.
Юлинька, жена Белогубова.
Фелисата Герасимовна Кукушкина.

Сцена представляет очень бедную комнату. Направо окно, у окна стол, на левой стороне зеркало.

Явление первое

Полина (*одна, смотрит в окно*). Как скучно, просто смерть! (*Поет.*) «Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалей, родимая, дитяtko свое». (*Смеется.*) Какая песня в голову пришла! (*Опять задумывается.*) Провалился бы, кажется, от скуки. Загадать разве на картах? Что ж, за этим дело не станет. Это можно, можно. Чего другого, а это у нас есть. (*Достает из стола карты.*) Как хочется поговорить с кем-нибудь. Кабы кто-нибудь пришел, вот бы я была рада, сейчас бы развеселилась. А то на что это похоже! сиди одна, все одна... Уж нечего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанет, трещим, трещим, и не увидишь, как пройдет. А теперь и поговорить не с кем. Разве к сестре сбегать? Да уж поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. (*Поет.*) «Матушка, голубушка...» Ах, я и забыла погадать-то!.. Об чем бы загадать-то? А вот загадаю я, будет ли у меня новая шляпка? (*Раскладывает карты.*) Будет, будет... будет, будет! (*Хлопает в ладоши, задумывается и потом поет.*) «Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалей, родимая, дитяtko свое».

Входит Юлинька.

Явление второе

Полина и Юлинька.

Полина. Здравствуй, здравствуй!

Целуются.

Как я тебе рада. Скидай шляпку!

Юлинька. Нет, я к тебе на минуту.

Полина. Ах, как ты хорошо одета, сестрица!

Юлинька. Да, я теперь себе покупаю все, что только есть лучшего и нового из-за границы.

Полина. Счастлива ты, Юлинька!

Юлинька. Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Полинка, как ты живешь? Ужасно! Нынче совсем не такой тон. Нынче у всех принято жить в роскоши.

Полина. Что же мне делать? Разве я виновата?

Юлинька. А мы вчера в парке были. Как весело было – чудо! Какой-то купец угощал нас ужином, шампанским, фруктами разными.

Полина. А я все дома сижу одна, со скуки погибаю.

Юлинька. Да, Полина, я уж теперь совсем не та стала. Ты не можешь представить, как деньги и хорошая жизнь облагораживают человека. В хозяйстве я теперь ничем не занимаюсь, считаю низким. Я теперь все пренебрегаю, кроме туалета. А ты! ты! это ужасно! Что же твой муж делает, скажи, пожалуйста?

Полина. Он меня даже и к вам не пускает, все велит сидеть дома да работать.

Юлинька. Как это глупо! Представляет из себя умного человека, а нынешнего тону не знает. Он должен знать, что человек создан для общества.

Полина. Как ты говоришь?

Юлинька. Человек создан для общества. Кто ж этого не знает! Это нынче решительно всем известно.

Полина. Хорошо, я это ему скажу.

Юлинька. Ты бы с ним ссориться попробовала.

Полина. Пробовала, да что толку. Он всегда прав выходит, а я виновата остаюсь.

Юлинька. Да он любит тебя?

Полина. Очень любит.

Юлинька. А ты его?

Полина. И я люблю.

Юлинька. Ну, так ты сама виновата, душа моя. Лаской из мужчин ничего не сделаешь. Ты к нему ластишься – вот он и сидит сложа руки, ни об себе, ни об тебе не думает.

Полина. Он много работает.

Юлинька. Да что проку в его работе-то? Вот мой муж и немного работает, а посмотри, как мы живем. Надобно правду сказать, Онисим Панфилович для дому отличный человек, настоящий хозяин: чего, чего у нас нет, кабы ты посмотрела. И в какое короткое время! Откуда он только берет! А твой! Что это? Ведь срам смотреть, как вы живете.

Полина. Он все говорит: сиди, работай, не завидуй другим; будем и мы жить хорошо.

Юлинька. Да когда же это будет? Состареешься, пока дождешься. На что тогда и удовольствие! Всякое терпение лопнет.

Полина. Что же мне делать?

Юлинька. Он просто тиран. Что с ним много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь – вот и все тут. Или вот что лучше: ты скажи ему, что тебе надоела такая жизнь, что ты не хочешь с ним жить и переедешь к маменьке, и чтоб он не знал тебя. А я маменьку предупрежу об этом.

Полина. Хорошо, хорошо! Я это обделаю в лучшем виде.

Юлинька. Да сумеешь ли ты?

Полина. Еще бы! Я какую хочешь сцену сыграю, не хуже всякой актрисы. Во-первых, нас дома к этому с малолетства приучили, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно; я все сама с собою и разговариваю. Так научилась, что чудо. Только немного жаль его будет.

Юлинька. А уж ты не жалеешь! А я тебе, Полина, шляпку привезла. *(Внимает из картонки.)*

Полина. Ах, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька! *(Целует ее.)*

Юлинька. А то у тебя старая-то уж нехороша.

Полина. Ужасная мерзость! Скверно на улицу выйти. Вот я теперь мужа подразню. Вот, скажу, милый мой, посторонние купили, а ты не догадаешься.

Юлинька. Да уж делать нечего, Полинка, мы пока, сколько можем, будем тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даром любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что их даром любить-то, мужьев-то? Это довольно странно! Обеспечь меня, дескать, во всем, чтобы я блистала в обществе, тогда я тебя и стану любить. Он от капризу не хочет твоего счастья, а ты молчишь. Попроси только он у дяди, и ему дадут такое же доходное место, как у моего мужа.

Полина. Уж я теперь к нему пристану.

Юлинька. Ты представь только себе: ты такая хорошенькая, одень-ка тебя со вкусом да посади в театр... при огне-то... все мужчины так на тебя лорнетки и уставят.

Полина. Не говори, сестрица, заплачу.

Юлинька. Вот тебе денег *(достает из портмоне)*, иногда что понадобится, так можешь и без мужа обойтись. У нас теперь есть средства, так что мы решились даже другим благотворить.

Полина. Спасибо, сестрица! Только он, пожалуй, рассердится.

Юлинька. Велика важность! Что на него смотреть-то! От родных, не от чужих. Что ж, по его милости, голодной сидеть! Прощай, Полина!

Полина. Прощай, сестрица! *(Провожает ее, Юлинька уходит.)*

Явление третье

Полина. Какая это Юлинька у нас умная! А я-то дура, дура! (*Увидав картон.*) Новая шляпка! новая шляпка! (*Хлопает в ладоши.*) Я теперь целую неделю буду весела, если только муж не расстроит. (*Поет.*) «Матушка, голубушка...» и т. д.

Кукушкина входит.

Явление четвертое

Полина и Кукушкина.

Кукушкина. У тебя все песенки на уме.

Полина. Здравствуйте, маменька! От скуки.

Кукушкина. Я совсем и ходить-то к тебе не хотела.

Полина. Отчего же, маменька?

Кукушкина. Мерзко мне, сударыня, мерзко бывать у вас. Да так уж мимо шла, так зашла к тебе. Нищенство, бедность... фу... я этого видеть не могу! У меня чистота, у меня порядок, а здесь, что такое! Изба деревенская! Гадость!

Полина. Чем же я-то виновата?

Кукушкина. Бывают же такие мерзавцы на свете! А впрочем, я его и не виню: я на него никогда надежды не имела. Ты-то что ж молчишь, сударыня? Не я ли тебе твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денег да давай, где хочешь возьми, да подай. Мне, мол, на то нужно, на другое нужно. Маменька, мол, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Скажет: нет у меня. А мне, мол, какое дело? Хоть укради, да подай. Зачем брал? Умел жениться, умей и жену содержать прилично. Да этак с утра да до ночи долбила бы ему в голову-то, так авось бы в чувство пришел. У меня бы на твоём месте другого и разговору не было.

Полина. Что ж делать-то, маменька, у меня в характере никакой строгости нет.

Кукушкина. Нет, уж ты лучше скажи, что у тебя в характере глупости много, баловства. А ты знаешь ли, что ваше баловство портит мужчин? У тебя все нежности на уме, все бы вешалась к нему на шею. Обрадовалась, что замуж вышла, дождалась. А нет, чтобы об жизни подумать. Бесстыдница! И в кого это ты такая уродилась! У нас в роду все решительно холодны к мужьям: больше все думают об нарядах, как одеться приличнее, блеснуть перед другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы он чувствовал, за что его ласкают. Вот Юлинька, когда муж привезет ей что-нибудь из города, так и кинется ему на шею, так и замрет, насилу стащат. Оттого он чуть не каждый день ей и возит подарки. А не привезет, так она и губы надует и не говорит с ним два дни. Висни, пожалуй, к ним на шею-то, они и рады, им только это и нужно. Стыдись!

Полина. Я чувствую, что я глупа; он приласкает меня, а я и рада.

Кукушкина. А вот погоди, мы на него насядем обе, так авось подастся. Главное – не баловать и не слушать его глупостей: он свое, а ты свое; спорь до обмороку, а не уступай. Уступи им, так они готовы на нас хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь ли, что у него на уме?

Полина. Где мне знать.

Кукушкина. Это, вот видишь ли, есть такая дурацкая философия, я недавно в одном доме слышала, нынче она в моду пошла. Они забрали себе в голову, что умней всех на свете, а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорят, не хотим брать взятку, хотим жить одним жалованьем. Да после этого житья не будет! За кого ж дочерей-то отдавать? Ведь этак, чего доброго, и род человеческий прекратится. Взятки! Что за слово взятки? Сами ж его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказываться грех, обидеть человека надо. Коли ты холостой человек, на тебя и суда нет, юродствуй, как знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, так умей жить с женой, не обманывай родителей. За что они терзают родительское сердце? Другой полоумный вдруг берет воспитанную барышню, которая с детства понимает жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитывают совсем не в таких правилах, даже

стараятся, как можно, отдалять от таких глупых разговоров, и вдруг запирает ее в конуру какую-то! Что же, по-ихнему, из воспитанных барышень им хочется прачек переделать? Уж коли хотят жениться, так и женились бы на каких-нибудь заблужденных, которым все равно, что барыней быть, что кухаркой, которые, из любви к ним, рады будут себе и юбки стирать и по грязи на рынок трепаться. А ведь есть такие, без понятия, женщины.

Полина. Вот он и из меня, должно быть, то же хочет сделать.

Кукушкина. Что нужно для женщины... образованной, которая видит и понимает всю жизнь, как свои пять пальцев? Они этого не понимают. Для женщины нужно, чтобы она одета была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное – нужно спокойствие, чтобы она могла быть отдалена от всего, по своему благородству, ни в какие хозяйственные дрязги не входила. Юлинька у меня так и делает; она ото всего решительно далека, кроме как занята собой. Она спит долго; муж поутру должен распорядиться насчет стола и решительно всем; потом девка напоит его чаем и он уезжает в присутствие. Наконец она встает; чай, кофе, все это для нее готово, она кушает, разоделась отличнейшим манером и села с книжкой у окна дожидаться мужа. Вечером надевает лучшие платья и едет в театр или в гости. Вот жизнь! вот порядок! вот как дама должна вести себя! Что может быть благороднее, что деликатнее, что нежнее? Хвалю.

Полина. Ах, вот блаженство-то! Хоть бы недельку так пожил.

Кукушкина. Да, с своим мужем ты дождешься, как же!

Полина. Уж вы его, маменька, хорошенько! А то мне, право, завидно. Юлинька, как ни приедет, все в новом платье, а я все в одном да в одном. Вот он идет. *(Идет к дверям.)*

Жадов входит с портфелем. Целуются.

Явление пятое

Те же и Жадов.

Жадов. Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (*Са- дится.*) Ах, как устал!

Полина садится подле матери.

Заработался совсем, отдыху себе не знаю. Утром в присутствие, днем на уроках, ночью за делами сижу: беру выписки составлять – порядочно платят. А ты, Полина, вечно без работы, вечно сложа руки сидишь! Никогда тебя за делом не застанешь.

Кукушкина. Они у меня не так воспитаны, к работе не приучены.

Жадов. Очень дурно. После трудно привыкать, когда с малолетства не приучены. А надобно будет.

Кукушкина. Незачем ей и привыкать. Я их не в горничные готовила, а замуж за благородных людей.

Жадов. Мы с вами различных мнений, Фелисата Герасимовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

Кукушкина. То есть вы хотите сделать из нее работницу; так уж такую бы себе под пару и искали. А уж нас извините, мы люди совсем не таких понятий в жизни, в нас благородство врожденное.

Жадов. Какое благородство, это фанфаронство пустое! А нам, право, не до того.

Кукушкина. Вас послушать, так уши вянут. А вот что нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, будет такую нищенскую жизнь вести, уж ни за что бы не отдала за вас.

Жадов. Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу вас. А то она, пожалуй, в самом деле подумает, что несчастная.

Кукушкина. А то счастлива? Разумеется, в самом горьком положении женщина. Другая бы на ее месте я уж и не знаю что сделала.

Полина плачет.

Жадов. Полина, перестань дурачиться, пожалей меня!

Полина. У тебя все дурачиться. Видно, ты не любишь, когда тебе правду-то говорят.

Жадов. Какую правду?

Полина. Уж разумеется, правду; маменька не станет лгать.

Жадов. Мы с тобой уже об этом поговорим.

Полина. Не об чем говорить-то. (*Отворачивается.*)

Кукушкина. Разумеется.

Жадов (*вздыхает*). Вот несчастье!

Кукушкина и Полина не обращают на него внимания и разговаривают шепотом. Жадов достает из портфеля бумаги, раскладывает на столе и в продолжение следующего разговора оглядывается на них.

Кукушкина (*громко*). Вообрази, Полина, я была у Белогубова; он купил жене бархатное платье.

Полина (*сквозь слезы*). Бархатное! Какого цвета?

Кукушкина. Вишневое.

Полина (*плачет*). Ах, Боже мой! Я думаю, как к ней идет!

Кукушкина. Чудо! Только представь, какой проказник Белогубов! Насмешил, право, насмешил. Вот, маменька, я, говорит, вам жалуясь на жену: я ей купил бархатное платье, она меня так целовала, укусила даже очень больно. Вот жизнь! Вот любовь! Не то, что у других.

Жадов. Это невыносимо! (*Встает.*)

Кукушкина (*встает*). Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдает? Дайте мне отчет.

Жадов. Она уж вышла из-под вашей опеки и поступила под мою, и потому оставьте мне распоряжаться ее жизнью. Поверьте, что будет лучше.

Кукушкина. Но я мать, милостивый государь.

Жадов. А я муж.

Кукушкина. Вот мы видим, каков вы муж! Никогда любовь мужа не может сравниться с родительскою.

Жадов. Каковы родители!

Кукушкина. Каковы бы ни были, все-таки не вам чета. Мы вот, милостивый государь, какие родители! Мы с мужем по грошам набирали деньги, чтобы воспитать дочерей, чтоб отдать их в пансион. Для чего это, как вы думаете? Для того, чтобы они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, не видали низких предметов, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к хорошей жизни, благородству в словах и поступках.

Жадов. Благодарю вас. Я вот почти уж год стараюсь выбить из нее ваше воспитание, да никак не могу. Кажется, половину бы жизни отдал, чтобы только она его забыла.

Кукушкина. Да разве я ее для такой жизни готовила? Я бы лучше руку дала на отсечение, чем видеть в таком положении дочь: в бедности, в страдании, в убожестве.

Жадов. Оставьте ваши сожаления, я вас прошу.

Кукушкина. Разве они у меня так жили? У меня порядок, у меня чистота. Средства мои самые ничтожные, а все-таки они жили, как герцогини, в самом невинном состоянии; где ход в кухню, не знали; не знали, из чего щи варятся; только и занимались, как следует барышням, разговором об чувствах и предметах самых облагороженных.

Жадов (*указывая на жену*). Да, такого глубокого разврата, как в вашем семействе, я не видывал.

Кукушкина. Разве такие люди, как вы, могут оценить благородное воспитание! Моя вина, я поторопилась! Выдь она за человека с нежными чувствами и с образованием, тот не знал бы, как благодарить меня за мое воспитание. И она была бы счастлива, потому что порядочные люди не заставляют жен работать, для этого у них есть прислуга, а жена только для...

Жадов (*быстро*). Для чего?

Кукушкина. Как для чего? Кто ж этого не знает? Ну, известно... для того, чтобы одевать как нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить в люди, доставлять все наслаждения, исполнять каждую ее прихоть, как закон... боготворить.

Жадов. Стыдитесь! Вы пожилая женщина, дожили до старости, вырастили дочерей и воспитывали их, а не знаете, для чего человеку дана жена. Не стыдно ли вам! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

Кукушкина. Да, я знаю, что вы очень рады себе из жены кухарку сделать. Бесчувственный вы человек!

Жадов. Полноте вздор болтать!

Полина. Маменька, оставьте его.

Кукушкина. Нет, не оставлю. С чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

Жадов. Перестаньте. Я вас слушать не стану и жене не позволю. У вас, на старости лет, все вздор в голове.

Кукушкина. Каков разговор, каков разговор, а?

Жадов. Между мною и вами другого разговора быть не может. Оставьте нас в покое, я прошу вас. Я люблю Полину и обязан беречь ее. Ваши разговоры вредны для Полины и безнравственны.

Кукушкина. Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

Жадов. Вы ровно ничего не понимаете.

Кукушкина (*с озлоблением*). Не понимаю? Нет, я очень хорошо понимаю. Видала я примеры-то, как женщины-то гибнут от бедности. Бедность-то до всего доводит. Другая бьется, бьется, ну и собьется с пути. Даже и винить нельзя.

Жадов. Что? Как вы можете говорить при дочери такие вещи! Увольте нас от своего посещения... сейчас же, сейчас же.

Кукушкина. Коли дома холодно да голодно, да муж лентяй, поневоле будешь искать средств...

Жадов. Оставьте нас, я вас честью прошу. Вы меня выведете из терпения.

Кукушкина. Уж конечно уйду, и нога моя никогда не будет у вас. (*Полине.*) Каков муж-то у тебя! Вот горе-то! Вот несчастье-то!

Полина. Прощайте, маменька! (*Плачет.*)

Кукушкина. Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты уж лучше умри, несчастная, чтобы не разрывалось мое сердце. Легче мне будет. (*Жадову.*) Торжествуйте! Вы свое дело сделали: обманули, прикинулись влюбленным, обольстили словами и потом погубили. Вся ваша цель была в этом, я теперь вас понимаю. (*Уходит.*)

Полина ее провожает.

Жадов. Надобно будет с Полиной построже поговорить. А то, чего доброго, ее вовсе с толку собьют.

Полина возвращается.

Явление шестое

Жадов и Полина (садится у окна, надувшись).

Жадов (*разложив бумаги, садится к столу*). Фелисата Герасимовна, вероятно, больше к нам не придет, чему я очень рад. Я бы желал, Полина, чтобы и ты к ней не ходила, а также и к Белогубовым.

Полина. Не прикажете ли для вас всю родню бросить?

Жадов. Не для меня, а для себя. У них у всех такие дикие понятия! Я тебя учу добру, а они развращают.

Полина. Поздно меня учить, я уж учена.

Жадов. Для меня было бы ужасно убедиться в том, что ты говоришь. Нет, я надеюсь, что ты меня поймешь наконец. Теперь много работы у меня; а вот будет поменьше, мы с тобой займемся. Утром будешь работать, а по вечерам будем читать. Тебе многое надо прочесть, ты ведь ничего не читала.

Полина. Как же, стану я сидеть с тобой! Куда как весело! Человек создан для общества.

Жадов. Что?

Полина. Человек создан для общества.

Жадов. Откуда это у тебя?

Полина. Ты меня, в самом деле, за дуру считаешь. Кто ж этого не знает! Всякий знает. Что ты меня, с улицы, что ли, взял?

Жадов. Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

Полина. Ничего этого не нужно, все вздор, нужно только одеваться по моде.

Жадов. Ну, а мы и этого не можем, стало быть, и толковать нечего. Займись-ка лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дело. (*Берет перо.*)

Полина. Работой займись! С чего это ты выдумал? Уж будет тебе надо мной командовать-то... помыкать-то всячески да насмехаться-то!

Жадов (*оборачиваясь*). Что это, Полина?

Полина. А то же, что я хочу жить, как люди живут, а не как нищие. Надоело уж. И так я с тобой загубила свою молодость.

Жадов. Вот новости! Я этого не слыхал еще.

Полина. Не слыхал, так послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти год, так и все буду молчать? Нет, извини! Ну, да что толковать! Я хочу жить, как Юлинька живет, как все благородные дамы живут. Вот тебе и сказ!

Жадов. Вот что! Только позволь тебя спросить: на какие же средства нам так жить?

Полина. А мне что за дело! Кто любит, тот найдет средства.

Жадов. Да ты пожалей меня; я и так работаю как вол.

Полина. Работаешь ты или не работаешь – мне вовсе никакого дела нет. Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замуж шла.

Жадов. Вы меня нынче совсем измучили. Замолчи, ради Бога!

Полина. Как же, дожидайся, буду я молчать! По твоей милости все смеются надо мною. Что я стыда натерпелась! Сестрица уж сжалилась. Нынче приехала: «Ты, говорит, нас страмишь, всю нашу фамилию: в чем ты ходишь!» И это не стыдно тебе? А еще уверял, что любишь. На свои деньги сестрица купила да привезла шляпку мне.

Жадов (*встает*). Шляпку?

Полина. Да, вот она. Посмотри, на. Что, хороша?

Жадов (*строго*). Отнеси сейчас назад.

Полина. Назад?

Жадов. Да, сейчас, сейчас снеси! И не смей от них ничего брать.

Полина. Ну, уж этому не бывать; уж будьте покойны.

Жадов. Так я ее выкину за окно.

Полина. А! так ты вот как стал? Хорошо, мой друг, я снесу.

Жадов. И снеси.

Полина *(со слезами)*. Снесу, снесу. *(Надевает шляп–ку, мантилью, берет зонтик.)*

Прощайте!

Жадов. Прощай!

Полина. Простимся хорошенько; уж вы меня больше не увидите.

Жадов. Это что за вздор еще?

Полина. Я к маменьке пойду, там и останусь; ты уж и не ходи к нам.

Жадов. Что за глупость ты говоришь, Полина!

Полина. Нет, я уж давно обдумала! *(Чертит зонтиком по полу.)* Что моя за жизнь? Одно мученье, и никакой радости!

Жадов. Не грех тебе говорить? Неужели ты со мной и не видала никакой радости?

Полина. Какие радости! Кабы ты богат был – другое дело, а то бедность-то терпеть. Что за радость! Вот наемни пьяный пришел; еще, пожалуй, бить меня будешь.

Жадов. Ах, Боже мой! Что ты говоришь? Один раз пришел навеселе... Да кто же из молодых людей не бывает пьян?

Полина. Знаем мы, бедность-то до чего доводит. Мне маменька сказывала. Ты, пожалуй, запьешь, да и я-то с тобой погибну.

Жадов. Все вздор какой тебе в голову лезет!

Полина. Чего мне ждать хорошего-то? Я уж и на картах гадала про судьбу свою, и у ворожеи спрашивала: выходит – самая несчастная.

Жадов *(хватает себя за голову)*. На картах гадают! к ворожеям ходит!

Полина. По-твоему, чай, карты вздор! Нет уж, извини, ни в жизнь не поверю! Карты никогда не лгут. Вот уж всегда-то правду говорят. Что даже на уме у человека, и то по картам сейчас видно. Ты ведь ничему не веришь, у тебя все вздор; оттого нам и счастья нет.

Жадов *(нежно)*. Полина! *(Подходит к ней.)*

Полина *(отходя)*. Сделайте милость, оставьте.

Жадов. Нет, ты меня не любишь.

Полина. За что тебя любить-то? Очень нужно даром-то любить!

Жадов *(горячо)*. Как даром? как даром? За любовь я тебе плачу любовью. Да ведь ты жена моя! Разве ты забыла это? Ты обязана со мной делить и горе и радость... если б я был даже последний нищий.

Полина *(садится на стул и, закинув голову, хохочет)*. Ха, ха, ха, ха!

Жадов. Это уж гадко наконец! это безнравственно!

Полина *(быстро встает)*. Я не понимаю, что вам за охота жить с безнравственной женой. Прощайте!

Жадов. Бог с тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, так прощай! *(Садится к столу и подпирает голову руками.)*

Полина. А что ж такое! Рыба ищет где глубже, а человек где лучше.

Жадов. Ну, прощай, прощай!

Полина *(перед зеркалом)*. Вот шляпка, так шляпка, не то, что моя. *(Поет.)* «Матушка, голубушка, солнышко мое...» В этой и по улице-то пройдешь, все-таки кто-нибудь взглянет, скажет: ах, какая хорошенькая! Прощайте! *(Приседает и уходит.)*

Явление седьмое

Жадов (*один*). Что у меня за характер! Куда он годится? С женой и то ужиться не мог! Что ж мне делать теперь? Господи Боже мой! Я с ума сойду. Без нее мне незачем на свете жить. Как это случилось, я, право, не понимаю. Как же это я мог ее отпустить от себя! Что она будет делать у матери? Там она погибнет совсем. Марья! Марья!

Марья за сценой: «Что угодно?»

Догони поди барыню, скажи, что мне нужно с нею поговорить. Да поскорей, поскорей! Что это в самом деле, Марья, какая ты неповоротливая! Да беги же, беги скорей!

Марья за сценой: «Сейчас!»

А ну, как она не захочет вернуться? Да и прекрасно сделает! Она имеет полное право. Чем она виновата, что я не могу ее содержать прилично? Ей только восемнадцать лет, ей жить хочется, хочется удовольствий. А я держу ее в одной комнате, целый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну, вот и живи один! Прекрасно! очень хорошо!.. Опять сирота! чего ж лучше! Поутру пойду в присутствие, после присутствия домой незачем ходить – посижу в трактире до вечера; а вечером домой, один, на холодную постель... зальюсь слезами! И так каждый день! Очень хорошо! (*Плачет.*) Ну что ж! не умел с женой жить, так живи один. Нет, надо решиться на что-нибудь. Я должен или расстаться с ней, или... жить... жить... как люди живут. Об этом надо подумать. (*Задумывается.*) Расстаться? Да в силах ли я с ней расстаться? Ах, какая мука! какая мука! Нет уж, лучше... что с мельницами-то сражаться! Что я говорю! Какие мысли лезут мне в голову!

Входит Полина.

Явление восьмое

Жадов и Полина.

Полина (*садится, не раздеваясь*). Что вам угодно?!

Жадов (*подбегает к ней*). Пришла, пришла! Опять пришла! Не стыдно ли тебе! Ты меня так расстроила, так расстроила, Полина, что я и с мыслями не соберусь. Я совсем растерялся. (*Целует руки.*) Полина, друг мой!

Полина. Да ты с нежностями-то не подъезжай ко мне.

Жадов. Ты ведь пошутила, Полина, а? Ты меня не оставишь?

Полина. Куда как интересно жить-то с тобой, горе-то мыкать!

Жадов. Ты меня убиваешь, Полина! Уж коли не любишь, так хоть пожалей меня. Ты знаешь, как я тебя люблю.

Полина. Да, оно и видно! так и любят.

Жадов. Как же еще любят? Как? Скажи, я все исполню, что ты мне прикажешь.

Полина. Поди сейчас к дяде, помирись с ним и попроси такое же место, как у Белогубова, да и денег попроси кстати; после отдадим, как разбогатеем.

Жадов. Ни за что на свете, ни за что на свете! И не говори ты мне этого.

Полина. Зачем же ты меня воротил? Смеяться, что ли, надо мной хочешь? Так уж будет, я теперь стала умней. Прощай! (*Встает.*)

Жадов. Постой! погоди, Полина! Дай мне с тобой поговорить.

Полина (*перед зеркалом*). Об чем говорить? Уж все переговорили.

Жадов (*с умоляющим видом*). Нет, нет, Полина, не все еще. Много, много мне нужно еще сказать тебе. Ты многого не знаешь. Кабы можно было мне вдруг передать тебе свою душу, передать то, о чем думал и мечтал я, как бы я был счастлив! Давай поговорим, Полина, поговорим. Ты только, ради Бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

Полина. Говори.

Жадов (*горячо*). Слушай, слушай! (*Берет ее за руку.*) Всегда, Полина, во все времена были люди, они и теперь есть, которые идут наперекор устаревшим общественным привычкам и условиям. Не по капризу, не по своей воле, нет, а потому, что правила, которые они знают, лучше, честнее тех правил, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они их слышали с пастырских и профессорских кафедр, они их вычитали в лучших литературных произведениях наших и иностранных. Они воспитались в них и хотят их провести в жизни. Что это нелегко, я согласен. Общественные пороки крепки, невежественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тем больше славы для избранных: на них благословение потомства; без них ложь, зло, насилие выросли бы до того, что закрыли бы от людей свет солнечный...

Полина (*смотрит на него с изумлением*). Ты сумасшедший, право, сумасшедший! И ты хочешь, чтоб я тебя слушала; у меня и так ума-то немного, и последний с тобой потеряешь.

Жадов. Да ты послушай меня, Полина!

Полина. Нет, уж я лучше буду слушать умных людей.

Жадов. Кого же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

Полина. Кто? Сестрица, Белогубов.

Жадов. И ты сравнила меня с Белогубовым!

Полина. Скажите пожалуйста! Ты что такой за важный человек? Известно, Белогубов лучше тебя. У начальства в уважении, жену любит, отличный хозяин, свои лошади... А ты что? только что хвастать... (*Передразнивая его.*) Я умный, я благородный, все дураки, все взятчики!

Жадов. Что за тон у тебя! Что за манеры! Какая мерзость!

Полина. Ты опять ругаться! Прощай! *(Хочет идти.)*

Жадов *(держит ее).* Постой, погоди немножко.

Полина. Пусти!

Жадов. Нет, постой, постой! Полиночка, друг мой, погоди! *(Хватает ее за платье.)*

Полина *(смеется).* Ну, что ты меня держишь руками-то! какой ты чудак! Захочу уйти, так не удержишь.

Жадов. Что ж мне с тобой делать? Что ж мне с тобой делать, с моей милой Полиной?

Полина. Поди к дяде да помирись.

Жадов. Постой, постой, дай подумать.

Полина. Подумай.

Жадов. Ведь я тебя люблю, я для тебя готов на все на свете... Но что ты мне предлагаешь!.. Ужасно!.. Нет, надо подумать. Да, да, да, да... подумать надо... надо подумать... Ну, а если я не пойду к дяде, ты уйдешь от меня?

Полина. Уйду.

Жадов. Совсем уйдешь?

Полина. Совсем. Не десять тебе раз говорить-то, надоело уж. Прощай!

Жадов. Постой, постой! *(Садится к столу, подпирает голову руками и задумывается.)*

Полина. Долго ли мне ждать-то?

Жадов *(почти со слезами).* А ведь знаешь что, Полина? Ведь хорошо, когда хорошенькая жена да хорошо одета?

Полина *(с чувством).* Очень хорошо!

Жадов. Ну, да, да... *(Кричит.)* да, да! *(Топает ногами.)* И хорошо с ней выехать в хорошем экипаже?

Полина. Ах, как хорошо!

Жадов. Ведь молодую, хорошенькую жену надо любить, надо ее лелеять... *(Кричит.)* да, да! надо ее наряжать... *(Успокоившись.)* Ну, что ж, ничего... ничего... Это легко сделать! *(С отчаянием.)* Прощайте, юношеские мечты мои! Прощайте, великие уроки! Прощай, моя честная будущность! Ведь буду и я старик, будут у меня и седые волосы, будут и дети...

Полина. Что ты? что ты?

Жадов. Нет, нет! детей будем в строгих правилах воспитывать. Пусть идут за веком. Нечего им на отцов смотреть.

Полина. Да перестань!

Жадов. Дай мне поплакать-то; ведь уж это я плачу в последний раз в жизни. *(Рыдает.)*

Полина. Что это с тобой сделалось?

Жадов. Ничего... ничего... легко... легко... все легко на свете. Только надобно, чтоб не напоминало ничто! Это просто сделать! Это я сделаю... буду сторониться, прятаться от своих прежних товарищей... не буду ходить туда, где говорят про честность, про святость долга... целую неделю работать, а в пятницу на субботу собирать разных Белогубовых и пьянствовать на наворованные деньги, как разбойники... да, да... А там и привыкнешь...

Полина *(почти плача).* Ты что-то нехорошее говоришь.

Жадов. Петь песни... Ты знаешь эту песню? *(Поет.)*

Бери, большой тут нет науки.
Бери, что можно только взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать, брать, брать...

Хороша эта песенка?

Полина. Что с тобой такое, я уж и не пойму.

Жадов. Пойдем к дядюшке просить доходного места! *(Надевает небрежно шляпу и берет жену за руку.)*

Уходят.

Действие пятое

Действующие лица

Аристарх Владимирович Вышневецкий.

Анна Павловна Вышневецкая.

Аким Акимович Юсов.

Василий Николаевич Жадов.

Полина.

Антон.

Мальчик.

Комната первого действия.

Явление первое

Вышневецкая и Антон (подает письмо на подносе и уходит).

Вышневецкая (*читает*). «Милостивая государыня, Анна Павловна! Извините меня, если мое письмо вам не понравится; ваши поступки со мной оправдывают и мои. Я слышал, что вы смеетесь надо мной и показываете посторонним мои письма, писанные с увлечением и в порыве страсти. Вы не можете не знать моего положения в обществе и сколько компрометирует меня такое ваше поведение. Я не мальчик. И по какому праву вы так поступаете со мной? Мое искательство совершенно оправдывалось вашим поведением, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мне, как мужчине, позволительны некоторые вольности, но смешным я быть не хочу. А вы меня сделали предметом разговора в целом городе. Вы знаете мои отношения к Любимову, я уже говорил вам, что между бумагами, которые остались после него, я нашел несколько ваших писем. Я предлагал вам их получить от меня. Стоило только вам побороть вашу гордость и согласиться с общественным мнением, что я один из красивейших мужчин и более других пользуюсь успехами между дамами. Вам угодно было обращаться со мной презрительно; в таком случае вы должны меня извинить: я решился передать эти письма вашему мужу». Вот это благородно! Фу, какая мерзость! Ну да все равно, надобно же было кончить когда-нибудь. Я не из тех женщин, чтобы согласилась поправлять холодным развратом проступок, сделанный по увлечению. Хороши у нас мужчины! Человек, которому сорок лет, у которого жена красавица, начинает ухаживать за мной, говорить и делать глупости. Что может оправдать его? Страсть? Какая страсть! Он уж, я думаю, в восемнадцать лет потерял способность влюбляться. Нет, очень просто: до него дошли разные сплетни про меня, и он считает меня доступной женщиной. И вот он без всякой церемонии начинает писать ко мне страстные письма, наполненные самыми пошлыми нежностями, очевидно, весьма хладнокровно придуманными. Он объездит десять гостиных, где будет рассказывать про меня самые ужасные вещи, и потом приезжает утешать меня. Говорит, что он презирает общественное мнение, что страсть в его глазах оправдывает все. Клянется в любви, говорит пошлые фразы, желая придать своему лицу страстное выражение, делает какие-то странные, кислые улыбки. Даже не дает себе труда хорошенько притвориться влюбленным. Зачем трудиться, сойдет и так, только бы форма была соблюдена. Если посмеешься над таким человеком или окажешь ему презрение, которого он заслуживает, он считает себя вправе мстить. Для него смешное страшнее самого грязного порока. Связью с женщиной он станет хвастаться сам – это делает ему честь; а письма его показать – беда, это его компрометирует. Он сам чувствует, что они смешны и глупы. За кого же они считают тех женщин, к которым пишут такие письма? Бессовестный народ! И вот он теперь, в порыве благородного негодования, делает подлость против меня и, вероятно, считает себя правым. Да не один он, все таковы... Ну, да тем лучше, по крайней мере я объяснюсь с мужем. Мне даже хочется этого объяснения. Он увидит, что если я виновата перед ним, то он еще более виноват передо мной. Он убил всю мою жизнь. Он своим эгоизмом засушил мое сердце, отнял у меня возможность семейного счастья; он заставил меня плакать о том, что воротить нельзя – об моей молодости. Я провела ее с ним пошло, бесчувственно, тогда как душа просила жизни, любви. В пустом, мелочном круге его знакомых, в который он ввел меня, во мне заглохли все лучшие душевные качества, оледенели все благородные порывы. И вдобавок, я испытываю угрызение совести за проступок, которого избежать было не в моей власти.

Юсов входит, заметно расстроенный.

Явление второе

Вышневецкая и Юсов.

Юсов (*кланяясь*). Еще не приезжали-с?

Вышневецкая. Нет еще. Садитесь.

Юсов садится.

Вы чем-то встревожены?

Юсов. Нет слов-с... уста немеют.

Вышневецкая. Да что такое?

Юсов (*качает головой*). Человек все равно... корабль по морю... вдруг кораблекрушение, и несть спасающего!..

Вышневецкая. Я вас не понимаю.

Юсов. Я насчет бренности... что прочно в жизни сей? С чем придем? с чем представим?.. Одни дела... можно сказать, как ноша за спиной... в обличение... и помышления даже... (*махнув рукой*) все записаны.

Вышневецкая. Что, умер, что ли, кто-нибудь?

Юсов. Нет-с, переворот в жизни. (*Нюхает табак.*) В богатстве и в знатности затмение бывает... чувств наших... забываем нищую братию... гордость, плотоугодие... За то и наказание бывает по делам нашим.

Вышневецкая. Я это давно знаю; не понимаю только, к чему вы передо мной теряете даром свое красноречие.

Юсов. Близко сердцу моему... Положим, хоть я тут не подлежу большой ответственности... но все-таки над такой особой! Что прочно?.. когда и сан не защищает.

Вышневецкая. Над какой особой?

Юсов. Опала на нас-с.

Вышневецкая. Да говорите!

Юсов. Открылись якобы упущения, недочеты сумм и разные злоупотребления.

Вышневецкая. Что же?

Юсов. Так нас под суд-с... То есть я-то, собственно, не подлежу большой ответственности, а Аристарх Владимырьч должны будут...

Вышневецкая. Что должны?

Юсов. Ответствовать всем своим имуществом и подвергнуться суду за противозаконные якобы поступки.

Вышневецкая (*подняв глаза*). Начинается расплата!

Юсов. Конечно, смертный... Станут придирааться, так, пожалуй, найдут что-нибудь; я так полагаю, что, по нынешним строгостям, отставят... Должен буду бедствовать без куса хлеба.

Вышневецкая. Вам, кажется, далеко до этого.

Юсов. Да ведь дети-с.

Молчание.

Я все думал дорогой, с прискорбием думал: за что такое поущение на нас? За гордость... Гордость ослепляет человека, застилает глаза.

Вышневецкая. Полноте, какая тут гордость! просто за взятки.

Юсов. Взятки? Взятки что-с, маловажная вещь... многие подвержены. Смирения нет, вот главное... Судьба все равно что фортуна... как изображается на картине... колесо, и на нем люди... поднимается кверху и опять опускается вниз, возвышается и потом смиряется, превозносится собой и опять ничто... так все кругообразно. Устройвай свое благосостояние, трудись, приобретай имущество... возносись в мечтах... и вдруг наг!.. Надпись подписана под этой фортуной... (*С чувством.*)

Чуден в свете человек!
Суется целый век,
Счастья сыскать желает,
А того не воображает,
Что судьба им управляет.

Вот что раскусить надо! Вот что должен человек помнить? Мы родимся, ничего не имеем, так и в могилу. Для чего же трудимся? Вот философия! Что наш ум? Что он может постигнуть?

Входит Вышневецкий и молча проходит в кабинет. Юсов встает.

Вышневецкая. Как он изменился!

Юсов. За доктором бы послать. С ними давеча в присутствии дурно сделалось. Такой удар... человеку благородных чувств... как его перенести!

Вышневецкая (*звонит*).

Входит мальчик.

Сходи за доктором, попроси поскорей приехать.

Вышневецкий выходит и садится в кресла.

Явление третье

Те же и Вышневецкий.

Вышневецкая (*подходя к нему*). Я слышала от Акима Акимыча, с вами несчастье. Не падайте духом.

Молчание.

Вы ужасно переменялись. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за доктором.

Вышневецкий. Какое лицемерие! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

Вышневецкая (*гордо*). Никакой лжи! Я вас жалею, как стала бы жалеть всякого в несчастье – ни больше, ни меньше. (*Отходит и садится.*)

Вышневецкий. Не нужно мне ваших сожалений. Не жалейте меня! я обещен, разорен! За что?

Вышневецкая. Спросите у вашей совести.

Вышневецкий. Не говорите о совести! Вы не имеете права говорить о ней... Юсов! За что я погиб?

Юсов. Превратность... судьба-с.

Вышневецкий. Вздор, какая судьба! Сильные враги – вот причина! Вот что меня сгубило! Проклятие вам! Позавидовали моему благополучию. Как не позавидовать! Человек в несколько лет возвышается, богатеет, смело создает свое благоденствие, строит дома и дачи, покупает деревню за деревней, вырастает выше их целой головой. Как не позавидовать! Человек идет к богатству и почестям, как по лестнице. Чтобы перегнать или хоть догнать его, нужен ум, гений. Ума взять негде, ну так подставить ему ногу. Я задыхаюсь от бешенства...

Юсов. Зависть человека может на все подвигнуть...

Вышневецкий. Не падение меня бесит, нет – а торжество, которое я им доставлю своим падением. Что теперь разговору! что радости! О, черт возьми, я не переживу! (*Звонит.*)

Входит Антон.

Воды!..

Антон подает и уходит.

Теперь с вами мне нужно поговорить.

Вышневецкая. Что вам угодно?

Вышневецкий. Мне угодно вам сказать, что вы развратная женщина.

Вышневецкая. Аристарх Владимирович, здесь посторонние люди.

Юсов. Прикажете уйти?

Вышневецкий. Остайся! Я скажу то же самое при всей дворне.

Вышневецкая. За что вы оскорбляете меня? Вам не на кого излить свою бессильную злобу. Не грех ли вам!

Вышневецкий. Вот вам доказательство моих слов. (*Бросает конверт с письмами.*)

Юсов поднимает и подает Вышневецкой.

Вышневецкая. Благодарю вас. (*Судорожно рассматривает их и прячет в карман.*)

Вышневский. Юсов, что делают с женщиной, которая, несмотря на все благодеяния мужа, забывает свой долг?

Юсов. Гм... гмм...

Вышневский. Я тебе скажу: выгоняют с позором! Да, Юсов, я несчастен, вполне несчастен, я одинок! Не бросай хоть ты меня. Человек, как бы он ни был высоко поставлен, когда он в горе, все-таки ищет утешения в семействе. (*С злобою.*) А я нахожу в своем семействе...

Вышневская. Не говорите про семейство! У вас его никогда не было. Вы даже не знаете, что такое семейство! Позвольте же теперь, Аристарх Владимирович, высказать вам все, что я перенесла, живя с вами.

Вышневский. Для вас нет оправданий.

Вышневская. Я и не хочу оправдываться – мне не в чем оправдываться. За минутное увлечение я перенесла много горя, много унижения, но, поверьте, без ропота на судьбу и без проклятий, как вы. Я хочу вам сказать только, что если я виновата, то перед собой одной, а не перед вами. Вы не должны меня упрекать. Если б вы имели сердце, вы бы чувствовали, что вы меня погубили.

Вышневский. Ха, ха! Вините кого другого в вашем поведении, а не меня.

Вышневская. Нет, вас. Разве вы жену брали себе? Вспомните, как вы за меня сватались! Когда вы были женихом, я не слыхала от вас ни одного слова о семейной жизни; вы вели себя, как старый волокита, оболыщающий молодых девушек подарками, смотрели на меня, как сатир. Вы видели мое отвращение к вам, и, несмотря на это, вы все-таки купили меня за деньги у моих родственников, как покупают невольниц в Турции. Чего же вы от меня хотите?

Вышневский. Вы моя жена, не забывайте! и я вправе всегда требовать от вас исполнения вашего долга.

Вышневская. Да, вы свою покупку, не скажу, освятили, нет – а закрыли, замаскировали браком. Иначе нельзя было: мои родные не согласились бы, а для вас все равно. И потом, когда уж вы были моим мужем, вы не смотрели на меня как на жену: вы покупали за деньги мои ласки. Если вы замечали во мне отвращение к вам, вы спешили ко мне с каким-нибудь дорогим подарком и тогда уж подходили смело, с полным правом. Что же мне было делать?.. вы все-таки мой муж: я покорялась. О! перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрения к самой себе! Вот до чего вы довели меня! Но что со мной было потом, когда я узнала, что даже деньги, которые вы мне дарите, – не ваши; что они приобретены не честно...

Вышневский (*привстает*). Замолчите!

Вышневская. Извольте, я замолчу об этом, вы уже довольно наказаны; но я буду продолжать о себе.

Вышневский. Говорите, что хотите, мне все равно; вы не измените моего мнения о вас.

Вышневская. Может быть, вы о себе измените мнение после моих слов. Вы помните, как я дичилась общества, я боялась его. И не даром. Но вы требовали – я должна была уступить вам. И вот, совсем неприготовленную, без совета, без руководителя, вы ввели меня в свой круг, в котором искушение и порок на каждом шагу. Некому было ни предупредить, ни поддержать меня! Впрочем, я сама узнала всю мелочность, весь разврат тех людей, которые составляют ваше знакомство. Я берегла себя. В то время я встретила в обществе Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его светлые глаза, как умен и как чист был он сам! Как горячо он спорил с вами, как смело говорил про всякую ложь и неправду! Он говорил то, что я уже чувствовала, хотя и неясно. Я ждала от вас возражений. Возражений от вас не было; вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусные сплетни, старались уронить его в общественном мнении, и больше ничего. Как я желала тогда заступиться за него; но я не имела для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мне оставалось только... полюбить его.

Вышневский. Так вы и сделали?

Вышневецкая. Так я и сделала. Я видела потом, как вы губили его, как мало-помалу достигали своей цели. То есть не вы одни, а все, кому это нужно было. Вы сначала вооружили против него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодых людей, потом твердили постоянно, что он вольнодумец и вредный человек, и восстановили против него его начальство; он принужден был оставить службу, родных, знакомство, уехать отсюда... (*Закрывает глаза платком.*) Я все это видела, все выстрадала на себе. Я видела торжество злобы, а вы все еще считаете меня той девочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить вас за ваши подарки. Из моих чистых отношений к нему сделали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали без церемонии преследовать меня. Вот до чего вы довели меня, женщину, достойную, может быть, лучшей участи, женщину, способную понимать истинное значение жизни и ненавидеть зло! Вот все, что я хотела сказать вам – больше вы не услышите от меня упрека никогда.

Вышневецкий. Напрасно. Я теперь бедный человек, а бедные люди позволяют своим женам ругаться. Это у них можно. Если бы я был тот Вышневецкий, каким был до нынешнего дня, я бы вас прогнал без разговору; но мы теперь, благодаря врагам моим, должны спуститься из круга порядочных людей. В низшем кругу мужья бранятся с своими женами и иногда дерутся – и это не делает никакого скандала.

Входит Жадов с женой.

Явление четвертое

Те же, Жадов и Полина.

Вышневский. Ты зачем?

Жадов. Дядюшка, извините...

Полина. Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тетенька! (*Шепчет Вышневской.*) Пришел места просить. (*Садится подле Вышневской.*)

Вышневская. Как! Неужели? (*Смотрит с любопытством на Жадова.*)

Вышневский. Ты пришел посмеяться над дядей!

Жадов. Дядюшка, я, быть может, оскорбил вас. Извините меня... увлечение молодости, незнание жизни... я не должен был... вы мой родственник.

Вышневский. Ну?

Жадов. Я испытал, что значит жить без поддержки... без протекции... я женат.

Вышневский. Ну, что ж тебе?

Жадов. Я живу очень бедно... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю... Позвольте мне опять служить под вашим начальством... дядюшка, обеспечьте меня! Дайте мне место, где бы я... мог... (*тихо*) приобрести что-нибудь.

Полина (*Вышневской*). Подходнее.

Вышневский (*хохочет*). Ха, ха, ха!.. Юсов! Вот они, герои-то! Молодой человек, который кричал на всех перекрестках про взяточников, говорил о каком-то новом поколении, идет к нам же просить доходного места, чтобы брать взятки! Хорошо новое поколение! ха, ха, ха!

Жадов (*встает*). Ох! (*Хватается за грудь.*)

Юсов. Молод был! Разве дело говорил! Одни слова... Так они словами и останутся. Жизнь-то даст себя знать! (*Нюхает табак.*) Бросишь философию-то. Только то нехорошо, что прежде надобно было умных людей послушать, а не грубить.

Вышневский (*Юсову*). Нет, Юсов, помнишь, какой тон был! Какая уверенность в самом себе! Какое негодование к пороку! (*Жадову, более и более разгорячаясь.*) Не ты ли говорил, что растет какое-то новое поколение образованных, честных людей, мучеников правды, которые обличат нас, закидают нас грязью? Не ты ли? Признаюсь тебе, я верил. Я вас глубоко ненавижу... я вас боялся. Да, не шутя. И что ж оказывается! Вы честны до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой! Ну, обрадовал ты меня, нечего сказать!.. Нет, вы не стоите ненависти – я вас презираю!

Жадов. Презирайте, презирайте меня. Я сам себя презираю.

Вышневский. Вот люди, которые взяли себе привилегию на честность! Мы с тобой осрамлены! Нас отдали под суд...

Жадов. Что я слышу!

Юсов. Люди – всегда люди.

Жадов. Дядюшка, я не говорил, что наше поколение честней других. Всегда были и будут честные люди, честные граждане, честные чиновники; всегда были и будут слабые люди. Вот вам доказательство – я сам. Я говорил только, что в наше время... (*начинает тихо и постепенно одушевляться*) общество мало-помалу бросает прежнее равнодушие к пороку, слышатся энергические возгласы против общественного зла... Я говорил, что у нас пробуждается сознание своих недостатков; а в сознании есть надежда на лучшее будущее. Я говорил, что начинает создаваться общественное мнение... что в юношах воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растет, растет и принесет плоды. Не увидите вы, так мы увидим и возблагодарим Бога. Моей слабости вам нечего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человек; у меня мало воли, как почти у всех нас. Нужда, обстоятельства, необразованность

родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь. Но довольно одного урока, хоть такого, как теперь.... благодарю вас за него; довольно одной встречи с порядочным человеком, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мне твердость. Я могу поколебаться, но преступления не сделаю; я могу споткнуться, но не упасть. Мое сердце уж размягчено образованием, оно не загрубеет в пороке.

Молчание.

Я не знаю, куда деться от стыда... Да, мне стыдно, стыдно, что я у вас.

Вышнековский (*поднимаясь*). Так поди вон!

Жадов (*кратко*). Пойду. Полина, теперь ты можешь идти к маменьке; я тебя держать не стану. Уж теперь я не изменю себе. Если судьба приведет есть один черный хлеб – буду есть один черный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений, читать и смотреть сатиры и комедии на взяточников и хохотать от чистого сердца, откровенным смехом. Если вся жизнь моя будет состоять из трудов и лишений, я не буду роптать... Одного утешения буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы?

Короткое молчание.

Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного.

Вышнековский (*встает*). Я тебя задушу своими руками! (*Шатается.*) Юсов, мне дурно! Проводи меня в кабинет. (*Уходит с Юсовым.*)

Явление пятое

Вышневецкая, Жадов, Полина и потом Юсов.

Полина (*подходит к Жадову*). Ты думал, что я в самом деле хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

Вышневецкая. Помирись, дети мои.

Жадов и Полина целуются.

Юсов (*в дверях*). Доктора! Доктора!

Вышневецкая (*приподнимаясь в креслах*). Что, что?

Юсов. С Аристархом Владимирычем удар!

Вышневецкая (*слабо вскрикнув*). Ах! (*Опускается в кресла.*)

Полина со страху прижимается к Жадову; Жадов опирается рукой на стол и опускает голову. Юсов стоит у двери, совершенно растерявшись.

Картина.